

Annotation

Аннотация к книге "Музей магических артефактов "

Хорошо быть попаданкой, когда ты – отличный повар. Или высококлассный портной. Или хотя бы умеешь лечить людей, или учить детей. А если всё, что ты знаешь и можешь, это учёт, хранение, экспозиция

и, прости господи, реставрация, потому что всю жизнь проработала в музее? И домашнее хозяйство, куда ж без него.

Значит, будем учитывать, хранить, реставрировать и экспонировать. Но сначала – наведём порядок! Разбегайтесь, бездельники, тётушка Рита пришла!

В тексте есть: тайны и загадки, бытовое фэнтези, неунывающая героиня

Салма Кальк

Пролог. Средоточие путей, узел интересов (с)

Глава 1. Не бегайте за чужими котами

Глава 2. Ну ихламовник

Глава 3. Валик, да веник, да сто рублей денег

Глава 4. И никаких инструкций

Глава 5. Непредвиденные обстоятельства

Глава 6. Объяснения

Глава 7. Навстречу приключениям

Глава 8. Что потопашь, то и полопашь

Салма Кальк

Музей магических артефактов

Пролог. Средоточие путей, узел интересов (с)

Господин граф

- Что же, ваша милость, вы и впрямь желаете приобрести имущество

в нашем департаменте?

- Всё верно, желаю. Для моих целей подойдёт любой

заброшенный старый дом, я ищу тихого и уединённого места. И если вы подберёте мне что-то подобное – то ваша комиссия составит пятнадцать

процентов от сделки.

- Очень рад это слышать, но – понимаете, будет непросто. Вы уверены? Здесь до сих пор ещё сохранились непроходимые леса, и в здешних горах тоже есть такие тропы, в которых ориентируются только местные уроженцы.

- Это же замечательно, дорогой господин Руа! Вот и подберите мне такой домик, можно – старый замок, если у вас здесь есть, который расположен в глуши, и найти который смогут только местные уроженцы.

- Но... - господин Руа, невысокий, плотный, плешивый мужчина в клетчатом сюртуке, внимательно оглядел собеседника, - не желаете ли вы сказать, что у вас проблемы с законом? Мы здесь живём тихо и уединённо, и нам, понимаете, не нужно пристальное внимание властей к нашим повседневным делам.

Собеседник был мужчина хоть куда – покрой его сюртука выдавал знакомство с последней столичной модой, тонкая шерстяная ткань определённо стоила немалых денег, и шил сюртук с панталонами отличный портной. Жилетка из узорчатой ткани, цепочка от часов – чистого золота, не иначе, а шелковый галстук заколот булавкой с изумрудом. Панталоны заправлены в сапоги из мягчайшей кожи, цилиндр шёлковый, а дорожный плащ – из мягкого сукна. Здесь, в лесистых предгорьях, так не одевались даже заправские щёголи. И сам тоже приметный – высок, плечист, черные волосы с проседью, руки нежные, как у девицы, но сильные – господин Руа видел, как

управлялся с норовистым конём.

Приезжий гость внушал подозрения, и немалые.

С другой стороны, если он придёт с тем же предложением к кому другому, например – к дядюшке Марсо, владельцу единственной в городке гостиницы, тот не откажется, и обещанная сумма достанется ему, а вовсе не Жермону Руа. А у дядюшки Марсо только тётушка, и больше никого, потому что два сына разъехались далеко, а дочка замужем аж в Массилии. А у него, Жермона Руа – два сына и три дочки, все ещё при родителях. И сыновей нужно учить, а дочерям давать приданое, а в Верлене в целом не развернёшься – очень уж небольшой городок. Так что – никак нельзя упускать такого выгодного посетителя.

- Понимаете, господин...

- Джилио, граф Джилио, любезный господин Руа.

- Так вот, господин граф, во всей нашей округе есть только один... одно место, которое вам может подойти. Но приобрести его будет

непросто.

Точнее, невозможно, но откуда об этом знать приезжему?

- И в чём же... непростота?

- Понимаете, это заколдованный дом с давней и запутанной историей.

Найти действительного владельца – нелёгкая задача.

- Но мне рекомендовали вас, как человека ловкого и знающего, - усмехнулся граф Джилио.

- И это так, но... я не маг, понимаете. Вот, скажем, вы – маг?

- Что вы, кто ж признается-то, что он – маг? – снова усмехнулся граф.

- Некоторые осмеливаются. Идут на государственную службу и благоденствуют.

- Я не интересуюсь государственной службой, - улыбнулся приезжий. – Но готов хорошо заплатить за решение моих частных вопросов. Или вы считаете, что пятнадцати процентов – недостаточно?

- В нашем случае – определённо недостаточно, - господин Руа вздохнул
и уставился в пол.

- Двадцать пять вас устроит? И без лишних вопросов.

- Договорились, господин граф. Двадцать пять, и без лишних вопросов.

Филипп

Филипп брёл по лесной тропе из последних сил. Тропа спускалась с горы в долину достаточно круто, а он очень, очень устал, и поэтому

то и дело падал, когда ему под ногу попадался камушек или ветка, и катился вниз. Но он знал, что ему нужно спуститься вниз, и там, внизу, его ждёт надёжное убежище. Такое, где его не найдут и не смогут преследовать, и где он сможет отлежаться, или отсидеться, прежде чем двигаться дальше.

Филипп уродился магом, и только потому, что маги в целом сильнее и здоровее обычных людей, он до сих пор был жив, не слишком истощён и вообще мог двигаться. Обычный человек уже бы лежал где-нибудь под кустом или в горной расщелине. А его вела надежда на то, что впереди – крыша над головой, и там есть что-нибудь съестное, и не только съестное, а ещё и магическое – чтобы восстановить

силы.

А силы ему были очень и очень нужны... Даже если и не удастся добиться

справедливости, то хотя бы – вернуть часть своего.

Он в стотысячный раз запнулся о корень, не удержался на ногах и покатился вниз, задевая низкие ветки деревьев и колючие кусты. Врезался в толстый ствол, затих. Сознание на некоторое время ушло, и в бреду ему мерещились голоса.

- Ты перейдёшь через горы и найдешь Последний Приют.

- Там никто не будет тебя ждать, и вообще там, скорее всего, никого нет – о Посвящённых не слышали уже почти столетие.

- Но это место существует, и в нём – источник силы, и это значит

- там ты обретёшь то, чего тебе недостаёт.

- И сможешь двинуться дальше, и исполнить то, к чему ты предназначен свыше с рождения.

В бреду все эти слова даже не казались такими глупыми и высокопарными, как бы вышло, услышь Филипп их в здравом уме и твёрдой памяти. Но в бреду можно не запоминать ничего, и вообще делать вид, что тебя всё это никак не касается.

Ветер зашумел кронами деревьев, и Филипп пришёл в себя. Опираясь о дерево, поднялся, и снова пошёл вниз. Его заплечная сума, сшитая из хорошей толстой кожи, уже совершенно опустела, еды там не осталось ещё со вчера. Хорошо хоть время от времени встречались ручейки – из них можно было напиться и набрать воды во флягу.

Такой ручеек встретился ещё шагов через сто, и можно было растянуться во мхе на берегу, пить воду, набрать с собой и просто немного полежать и посмотреть на небо.

Небо понемногу розовело – где-то далеко солнце садилось за верхушки деревьев. Эх, неужели ещё одну ночь ему придётся провести под деревьями в лесу?

Нет, нужно подниматься и идти вперёд – пока хватит сил, и пока ещё хоть что-то видно.

Да, было видно – крутой спуск завершился, тропа становилась ровнее. Она по-прежнему понижалась, но уже не так сильно, и травы становилось больше, и какие-то вечерние цветы раскрывались и даже пахли. Одурающе пахли.

Что? Цветы? Ещё, наверное, лиловые? А как ему сказала старая Магда

- дойдёшь до долины лиловых

цветов, и там, значит, оно?

Филипп шёл, и ему казалось – быстро и бодро, но на самом деле – еле-еле. И уже когда сумерки почти что скрыли всё вокруг, он увидел его. Дом. Большой старый дом.

Глаза выхватывали отдельные его части – вот каменное основание, и подвальные окошки, и первый этаж тоже из камня. А дальше – дерево, большие окна, балкончики, башенки на крыше. Флюгер на башне – в виде кота.

Никакого забора, или другой ограды – не было. Можно заходить.

Филипп обошёл дом, держась руками за стену, но не обнаружил двери. Только окна. Что ж, значит, через окно. Если что, можно разбить стекло камнем.

Но ничего разбивать не понадобилось. Первая же рама отворилась внутрь. Пришлось предпринять некие усилия, чтоб забросить едва живое тело на подоконник, но ему это удалось.

Филипп перевалился через подоконник внутрь и куда-то упал. И вновь лишился сознания.

Жорж

- Как записать вас, господин? – спросила толстуха, раскрывая большую
и засаленную книгу постояльцев.

- Я сам запишусь, – Жорж подтащил к себе книгу, взял перо, обмакнул в чернильницу и вывел самым красивым почерком, на какой был сейчас способен, своё имя. Со всеми завитушками.

- Жорж Морель? – прочитала толстуха.

- Он самый! Жорж Морель, специальный корреспондент

«Репортажа», к вашим услугам, госпожа?

- Марсо. Эмильенна Марсо, – тут же расплылась в улыбке толстуха. – Мой муженёк командует трактиром, а я приглядываю за постояльцами – чтобы, значит, постель чистая, и пол тоже, и одежду вашу могу взять почистить-постирать-погладить. И если чего желаете на завтрак – то извольте сказать, сделаем. Вы к нам надолго?

- Как знать, – вздохнул Жорж.

Откровенно говоря, тащиться в глушь ему вовсе не хотелось, и сам повод казался глупейшим, но – разве ж поспоришь с редактором господином Виктором? Он сказал – поезжай и привези сенсацию. Да какая ж тут сенсация, в городке о двух площадях да нескольких улицах?

- И что же, про наш Верлен прямо в столичной газете напишут? – заинтересовалась госпожа Марсо.

- Это возможно, – кивнул Жорж.

- Напишите про Жермона Руа, что он проворовался, – заявила дама.

- Кто это?

- Это наш мэр. Его давно уже нужно турнуть, а кого-нибудь другого поставить на его место. Получше, – добавила она со значением.

Ну вот ещё, только местные сплетни слушать не хватало! То есть, послушать-то можно, но он-то здесь совсем не за этим!

- О, так вы здесь всё знаете, уважаемая госпожа Марсо! – Жорж умильно улыбнулся. – Подскажите, а что у вас в окрестностях за дом, в котором

исчезают люди?

- Люди исчезают? В доме? – не поняла она.

- Да, мне так рассказали. Даже нашему главному редактору об этом рассказали. Что есть некий дом, старый и страшный, в который зайти

заходят, а выходить – уже не получается.

- Дом волшебника Гийома, что ли? – нахмурилась толстуха. – Да в него ещё пойдёшь войди, там дверей-то нет!

- Как нет? – не понял Жорж.

Чтоб у дома, да дверей не было? Глупости какие!

- А вот так, нет как нет. Сама видела. В детстве-то все там побывали, любопытно же, сами понимаете, – она улыбнулась и затрепетала ресницами, прямо как юная девица.

- А в окно залезть? Или окна тоже нет?

- Есть, но его ж ещё надо найти и отворить, – сказала она так, будто это не простое действие, а нелёгкое дело.

И впрямь, что-то странное.

- Госпожа Марсо, давайте так: вы сейчас покажете мне комнату, и пообедать я тоже не прочь, и тем временем расскажете – что за дом, откуда взялся, и почему у него нет дверей. Куда делись. Наверное же были когда-нибудь, а потом их заложили?

- Ох, господин хороший, нет, всё было не так. Но лучше вы спросите моего мужа – он вам расскажет в подробностях, потому что он давным-давно однажды был там внутри. А больше не был никто. Потому что трудно и страшно. А мой Алоиз – был, потому что хитрый и храбрый.

Жорж никак не мог представить себе хитрым и храбрым почтенного трактирщика, одетого в поношенную жилетку и штаны с заплатками, объёмное брюхо которого торчало далеко впереди него самого. Но – кто ж его знает, как тут всё на самом деле? Ему велено – всё разузнать и привезти сенсацию, и будет он не Жорж Морель, если этого не сделает.

- Я готов следовать за вами, госпожа Марсо, - сказал он хозяйке гостиницы.

Эрмина

- Сестрица Эрмина, расскажи сказку!

- Поздно уже, спать пора.

- Ну пожалуйста, всего одну! Так хочется!

- Совсем маленькую сказку, ладно? Мы будем завтра самыми послушными на свете!

- Хорошо, уговорили, - улыбнулась Эрмина, девушка семнадцати лет

- нежная, хрупкая, с мечтательным взглядом голубых глаз.

Правду сказать, сказки рассказывать она и сама была готова день-деньской, без особой просьбы. Но уже поздно, и если отец или матушка услышат и поднимутся в детскую, то будут недовольны – почему младшие ещё не спят, а сама она не спустилась вниз помочь кухарке Жавотте или посидеть с бабушкой. Но сказка позволяла мечтать... а мечтать Эрмина любила больше всего на свете.

- И какую же сказку вам рассказать, неугомонные? – спросила она братьев.

Восьмилетние близнецы Пьер и Поль задумались.

- Ну... давай про некромантов, люблю про некромантов, - сказал Пьер.

Он был заводилой в их делах и проказах.

- Нет, кому нужны некроманты, давай про путешествия в далёкие

страны, - возразил Поль.

Он не мог дождаться, когда вырастет и отправится за океан.

Ничего, ждать осталось немного, каких-то лет десять всего.

- Про дом! Про заколдованный дом! - заверещала Мадлен, самая младшая, ей недавно исполнилось шесть.

- Тихо, тихо, а то сейчас придёт матушка, и будете спать без сказки, - замахала на неё руками Эрмина. - Хорошо, про заколдованный дом.

- Нет, про большие корабли, - попытался возразить Поль.

- Про некромантов! Я хочу про некромантов!

- Дом! Волшебный дом!

- Да что у вас тут опять такое, - раздался недовольный голос от двери.

Эжени уже исполнилось шестнадцать, она мнила себя девицей взрослой, которой не по нраву ни игры, ни сказки. Она была готова день-деньской сидеть у окошка и разглядывать всех, кто проходит мимо - вдруг жених покажется? Но денег у родителей немного, приданое у сестёр Руа небольшое, поэтому женихи в их дом не торопились.

- Всё в порядке, Эжени, - Эрмине, как старшей, всегда приходилось
быть миротворцем. - Посиди с нами.

- Дела мне нет, только с вами сидеть! - фыркнула Эжени, но осталась - уже темно, жечь лампу без дела матушка не позволяет, а спать вроде бы и рано ещё.

- Дети, а ну тихо, - сказала Эрмина негромко, но твёрдо, - а то не будет вам никакой сказки.

- Ладно, давай про дом, - согласился со вздохом Поль.

- Дом, - мечтательно улыбнулась Мадлен.

- В наших предгорьях стоит старый-старый дом, - начала Эрмина.

- давным-давно его выстроил могущественный волшебник, господин Гийом, для своей возлюбленной госпожи Маргариты. Он был самым великим волшебником на свете, ему подчинялись и ветры, и воды, и земная твердь.

- И огонь, - влез Пьер. - Он побеждал врагов одним лишь мановением руки, и все враги падали! Замертво!

- И огонь, - кивнула Эрмина. - Но он полюбил Маргариту, дочь королевского советника, да только просватали его возлюбленную за другого - богатого и знатного, а Гийом был из простой семьи, и всего в своей жизни добился сам. Её отец отказал Гийому, сказал - ты маг, и не отдам я тебе свою единственную и прекрасную дочь. Разозлился Гийом, хотел убить советника, но взмолилась прекрасная Маргарита и попросила сохранить жизнь её отцу. Не смог Гийом отказать, а она пообещала - что если будет на то господня воля, что она окажется свободна, то обязательно примет его предложение.

- Но только потом, - глубокомысленно заметил Поль. - А он хотел сейчас.

Удалился огорчённый Гийом в леса, и выстроил там дом. На прочном каменном фундаменте, с толстыми стенами и заговорёнными прозрачными окнами, через которые были видны и ёлки на горных склонах, и снега на вершинах. И наполнил он этот дом удивительными вещами, которые умели всё делать сами. Печка и котлы варили вкуснейшую еду. Метла сама мела двор. Лампы зажигались, когда хозяин заходил в комнату, и гасли, когда он выходил. Утюг сам утюжил ему сорочки, а игла зашивала прорехи. Клавесин играл прекрасные мелодии.

А у ворот стояла пушка.

- И когда приходили враги, она сама стреляла! - с воодушевлением сказал Пьер.

- Громко-громко стреляла! - добавила Мадлен.

- Точно, стреляла, - улыбнулась Эрмина. - Поэтому ни один враг не осмеливался приблизиться к тому дому - ни с равнины, ни через горы.

А потом жених прекрасной

Маргариты заболел и умер.

- Его убили враги, - заявил Поль.

- Да нет. Это сам Гийом его потихоньку убил, - поправил Пьер.

- Поносом он страдал, как сосед дядька Готьё, от него и помер, - авторитетно сообщила Мадлен.

- Но как только Гийом об этом прослышал - то сразу же явился в столицу. И снова предложил прекрасной Маргарите стать его женой. Она согласилась, но её отец никак не хотел отдавать дочь за человека незнатного, хоть бы и мага. И тогда Гийом пришёл ночью, а Маргарита

вышла к нему из потайной двери, и он посадил её на своего коня, и умчал в заколдованный дом.

Но отец красавицы отправил за ними погоню, и пришлось им заметать следы. На потайных тропах, которыми вёз Гийом свою любимую, за ними вырастали непроходимые кустарники. Ветви деревьев цеплялись за одежду преследователей, и рвали её.

- И выкололи одному глаз! – мстительно сказал Пьер.

- А ты откуда знаешь? – не удержалась тихо сидевшая Эжени.

- А вот знаю!

- Ему бабушка сказала, – выдала Мадлен.

- Успели Гийом и прекрасная Маргарита добраться до волшебного дома, и скрылись в нём. Но прибыла погоня, и потребовали они отдать прекрасную Маргариту, потому что её отец уже нашёл ей нового жениха – богатого и могущественного. И тогда выстрелила пушка, и половина отряда упала замертво. А потом сгустились тучи, и град обрушился на тех, кто ещё держался на ногах, и половина от оставшихся тоже попадала на землю. Только самые смелые никуда не делись, они-то и попытались взять дом штурмом. Но не смогли найти дверь! Потому что дом распахивал двери только для тех, кого желал видеть хозяин. Открылись окна, оттуда высунулись ружья – и выстрелили все разом! А потом ещё прилетели птицы из горного леса, и принялись клевать и рвать когтями тех, кто не сдавался. И пришлось последнему оставшемуся в живых, а это был юный барон Тремон, кричать, что он сдаётся, и тогда вышел на порог господин Гийом, и велел передать своему тестю, что госпоже Маргарите в его доме будет оказан всяческий почет и уважение. И все они отправились в город Верлен, и там пошли в церковь, и святой отец обвенчал Гийома и Маргариту,

а барон Тремон был тому свидетелем.

- В церковь Сен-Реми они пошли, что на Круглой площади, – добавил Пьер.

- И все колокола зазвонили, стоило им только ступить под своды, – вставил своё слово Поль.

- А они вернулись в волшебный дом и жили в нём долго и счастливо в любви и согласии, – продолжала Эрмина. – Жизнь госпожи Маргариты в том доме была легка и приятна, потому что волшебные предметы всё в доме делали сами. У них с господином Гийомом

родились сыновья, и ни одной дочери, но старший сын женился и привёл в дом свою жену, и звали её Маргаритой, и стала она там хозяйкой после смерти его матери. И с тех пор только женщина по имени Маргарита может стать хозяйкой дома, и если найдётся такая – то дом будет её слушаться. Но иссяк род господина Гийома, долго уже не было в доме Маргариты, поэтому стоит он в лесу посреди поляны с лиловыми цветами, и ждёт – пока она появится. А когда она найдётся – то откроется невидимая дверь, распахнутся окна, дом стряхнёт с себя

пыль веков и снова будет, как давным-давно.

- И пушка выстрелит, - пробормотал засыпающий Польш.

- Непременно, хороший мой, - Эрмина наклонилась и поцеловала его в щёку. - А сейчас всем спать и видеть только самые лучшие сны, - сказала

она, зажигая ночник.

- И охота тебе всякие глупости повторять, - пробурчала Эжени, когда

они обе спускались вниз по старой скрипучей лестнице.

- Не любо - не слушай, - пожала плечами Эрмина. - Дом-то есть, и все его видели.

- Старая развалина это, а не дом!

- Откуда тебе знать? Может, развалина, а может, и нет.

- Девочки, вы что это там так долго? - раздался снизу голос старой госпожи Руа, бабушки обеих юных девиц.

- Идём, бабушка, - сказала Эрмина. - Поспешите, Эжени, бабушка ждёт.

Глава 1. Не бегайте за чужими котами

Рита Мерзликина никогда не относилась к неудачникам. Она искренне считала, что у каждого в жизни бывает полоса черная и полоса белая, и нужно всего лишь дождаться, пока твоя нынешняя - побелеет.

Ну подумаешь, задержали зарплату! Если удастся продержаться до понедельника и не залезть в кредитку, значит, потом выданного хватит на подольше. Ненамного, потому что какая там зарплата у научного сотрудника в музее, но - всё равно, получится купить себе что-нибудь приятное. Фруктов, орехов или на али какую-нибудь занятную хреновинку заказать.

Муж Арсений ей всю дорогу говорил - Ритка, ты хламовщица, неужели тебе на твоей работе хлама мало, нужно ещё и домой тащить? Но Рита весь свой хлам нежно любила и хламом не считала, потому что была уверена - каждая вещь достойна места на полке ли, в шкафу или на стеллаже, и раз она была кем-то для чего-то создана, то пусть и исполняет своё предназначение. Поэтому всё, что попадало в музей и в Ритины руки, содержалось в образцовом порядке, были то ржавые угольные утюги, закопчённые чугунки, поеденная молью шляпка или выкопанный где-то поисковиками ржавый ствол от винтовки времён боёв

на Халхин-Голе.

Впрочем, дома тоже хватало всяких чудных штук – кукол, плюшевых мишек, старых книг. Рита собирала вещи с завидным упорством, особенно оторвалась после развода с мужем. Потому что развод разводом, а уйти ему из её квартиры некуда, снять себе – жаба давит, да ещё сыну Ваньке покупали жильё. Хотя какое-то, но чтоб своё – малютку-студию на окраине города, в ней ещё ремонта по самую макушечку, и ипотеку десять лет платить, но с тем Ванька уже пусть сам справляется. Хватит того, что на первый взнос с Сенькой собрали и на сына оформили. Правда, съезжать Ванька не торопился – потому что там голые стены, и до работы утром полтора часа через пробки, а из материнской квартиры полчаса пешком – и на месте. Да ещё и кормить-поить там тоже некому, а дома мама и сварит, и постирает, и тарелку помое

Дочка Надюшка наоборот – вышла зимой замуж и уехала с мужем Пашей в Москву, им там нашлась работа. Ну хоть у детей белая полоса,

приятно.

Рита в раздумьях не заметила, как доехала на автобусе до нужной остановки. Быстро сунула водителю деньги, выскочила, перебежала на другую сторону улицы – всё равно пробка и машины стоят – и там только перевела дух. Вроде бы, дома еда есть, так что в магазин заходить не надо, да и не с чем, по совести-то говоря. Сенька дать денег на еду на этой неделе не разбежался, а ест, как настоящий, да и у Ваньки тоже с аппетитом всё хорошо, а с доходами – не слишком. Поэтому Рита кормила их сытно, но просто. Вчера ещё наварила пятилитровую кастрюлю борща, натушила капусты с сосисками – целую большую сковороду, и очень надеялась, что сегодня ей готовить не придётся.

Дома ждала весёлая книга про девчонку, которая попала в магический мир на отбор невест к дракону, и ловко побеждала там всех врагов – потому что куда тамошним фифам против русской-то девчонки, в таких жизненных передрягах закалённой, что ничего уже не страшно? А ещё – нужно дошить платье для куклы, отснять и выставить в инстаграм, авось кто купит, одежда для кукол ручной работы у коллекционеров в чести.

В раздумьях о девчонке-попаданке и о куклах Рита открыла ключом

дверь, вошла домой, поставила сумку, сбросила туфли.

Увидела незнакомые балетки – к сыну девушка пришла, что ли?

- Mam, привет! – из своей комнаты высунулся Ваня. – Ты чего так долго?

Есть уже знаешь, как охота?

- А чего ж не поел? – Рита подхватила заколкой распущенные блондинистые волосы и пошла мыть руки.

- А чего поесть-то? – поинтересовался за спиной отпрыск.

Вот ведь сын своего отца, тот тоже умрёт с голоду возле полного холодильника!

- Знаешь, я с собой ничего не забирала, - покачала головой Рита. Господи, как она уже устала от этого всего!

Пошла на кухню, открыла холодильник – точно, не притронулись ни

к борщу, ни к капусте.

- Совсем уже обессилел, что ли, тарелку еды себе в микроволновке не можешь разогреть? – попёрла она на Ваньку.

- Ну мать, ты чего! Я ж не знал, что там еда!

- А я кому вчера сказала? И ещё специально за сметаной сходила к борщу, уже вечером поздно, еле успела перед закрытием?

- Да мам, ты чего, я правда не знал, ну а посмотреть не подумал, мало

ли, что у тебя там!

- Да господи ж, что может быть-то в холодильнике, кроме продуктов!

- А колбасы нет?

- А сходи, купи и положи, и будет тебе колбаса! Я и так вас двоих, здоровых лбов, кормлю, а кто бы меня кормил хотя бы так же? Сели на шею и ноги свесили, дармоеды!

Рита знала, что стоит её завести, и она потом до поздней ночи не остановится, но – ничего не могла с собой поделаться. Потому что – наболело.

- Ну мам, у меня зарплата знаешь, когда? Ещё неделю ждать!

- Да толку с твоей зарплаты, ты с неё хоть что-нибудь в дом купил хоть

раз?

Хлопнула дверь Сенькиной комнаты, он вышел оттуда, громко топая,

в одних спортивных штанах и босиком.

- Чего орёте? Никакого покоя!

- Спал, что ль? – не поняла сразу Рита.

А потом за его спиной к входной двери прошмыгнула соседка Сонька, Надюшкина одноклассница. Сунула ноги в те самые балетки у

входа.

- Драсьте, тетё Рита! – а футболка-то криво надета, и джинсы недозастёгнуты.

ТЬфу, холера. Ещё и дверью хлопнула.

- Сеня, кобель несчастный, я тебя сколько раз просила девок сюда не водить? Сваливай отсюда на все четыре стороны, и делай, что хочешь! И ещё покоя ему, значит! Еды подай, носки собери, трусы постирай, жопу помой – и туда же, покоя ему нет! Ты сам на развод подал, забыл уже? Вот и проваливай!

- Сама проваливай, поняла, дура ненормальная! Не успела в дом зайти – уже орёшь! Совсем с ума сошла со своими уродскими куклами!

Сеня схватил со стола двух лежащих там кукол и запустил в Риту. Ловить летящие предметы Рита не умела, но тут попыталась – потому

что а вдруг разобьёт, идиот такой? Одну поймала, вторую не успела – но она, к счастью, шлёпнулась на куртку, которую Рита ещё даже повесить не успела.

- Иди на хрен, идиот! Оба идиоты, молодой и старый! – Рита подхватила ключи и обеих кукол – чтоб не выбросили, а то уже бывали прецеденты – сунула их в сумку, надела туфли и выскочила на площадку.

За соседской дверью шевелились – ну конечно, смотрят и слушают премьерный показ сериала «Весёлая жизнь Мерзликиных». Новый сезон – «После развода. Как не свихнуться бывшим на одной жилплощади». Задрали, ненавижу – думала Рита, выбегая на улицу. Перебежала через дорогу в сквер, села на лавку.

Рассмотрела пострадавших кукол – вроде, с обеими всё было в порядке, ничего не сломалось и не отвалилось и не потерялось. В Ритином детстве шарнирных кукол не водилось, и даже Барби ещё не водилось, поэтому она отрывалась сейчас, уже будучи изрядно большой девочкой сорока семи годочков. Обе куклы были с непропорционально крупными головами и яркими глазами, менявшими цвет и направление взгляда – и рыжая девчонка Марго, и золотоволосый мальчик Жиль, почему-то ей захотелось так их назвать. Они были разом похожи и на обычных современных молодых людей, и на персонажей из мультика, короче. А Сенька, дурак, бесился. И говорил – уродцы. Сам он уродец, всхлипнула Рита.

К лавке подошёл кот. Необыкновенно красивый, он смотрел на Риту и щурил свои янтарные глаза. И это тоже была беда, потому что Сенька, ежа ему в задницу, терпеть не мог кошек и не позволял Рите взять домой ни одну. И сам никуда не девался, скотина.

- Кисонька, посиди со мной, что ли? Или ты чей-то и потерялся? –

спросила Рита.

Кот был толст и полосат, уличные такими холёными не бывают, а на шее у него виднелся ошейник с бубенчиком. Или с адресником?

- Киса, дай-ка, я взгляну. Там, наверное, написано, куда про тебя позвонить?

Рита попыталась взять кота в руки, но он выскользнул – упитанная тушка – и поскакал к дороге. Она снова сгребла кукол в сумку и понеслась за котом – будто ей своих бед мало!

Кот сиганул прямо на проезжую часть, Рита за ним. Она не поняла, почему ей сигналият, и куда полетела – тоже не поняла. Потому что упала и потеряла сознание.

Глава 2. Ну ихламовник

Рита пришла в себя не пойми где.

Было тихо и мягко. И очень удобно. Открывать глаза не хотелось, потому что Рита помнила, что вчера случилось что-то гадостное, только вот не могла вспомнить, что именно.

Тьфу, она же поругалась с Сенькой. И с Ваней, кажется, тоже. Но они совсем на шею сели, паразиты. И что было потом? Она ушла на улицу,

и?

Осознание напугало. Она попала под машину и теперь в больнице! Где ещё можно лежать в постели?

Рита открыла глаза... и тут же закрыла их обратно. Потому что вокруг

было непонятно что.

Осторожно потрогала руками голову, лицо. Есть, на месте. Пошевелила ногами. Вроде работают. Ничего не болит. Спать не хочется.

Открыла глаза снова.

Она лежала в постели – на мягкой перине и белоснежных простынях. Самых таких, как она любила – из тонкого полотна, да ещё и с кружевом. Наволочка тоже имела кружево по краю, и пододеяльник был украшен изящной вышивкой. И Рита лежала во всей этой красоте неопишуемой в своём платье, в котором вчера с работы пришла, а на работе по подвальным хранилищам шарилась! Тьфу! В таком не спят, такое снимают сразу же, как с работы домой приходят, и в стирку кладут.

А ей, получается, некогда было.

И почему-то постель была занавешена шторками – как на старых изображениях. Настоящая кровать с пологом. Полог синего цвета оказался бархатным и тяжёлым, ещё и с кистями по низу. В щель проникал свет – достаточно света. Кто так сейчас делает вообще, и откуда в больнице такое диво?

Кровать ещё и широченная – трое влезут.

Рита села, обнаружила, что туфель на ней нет, отодвинула шторку... и с громким «ой» задвинула её обратно. И ещё стянула оба конца. Потому что это была совсем не больница, а что-то, вовсе невероятное.

Посидела, подумала, выглянула ещё раз.

Солнце пробивалось в просторную комнату сквозь грязное окно, карниз над окном был с одной стороны оторван от стены и висел, и штора наполовину лежала на полу. Такая же синяя, как и на Ритиной кровати. Чем-то синим, по виду – тканью, были оклеены или же обиты, отсюда не видно, стены, но обои висели клочьями.

Зеркало у стены не мыли отродясь, в нем даже почти ничего не отражалось, только какая-то мутная сизая пелена. На туалетном столике возле того зеркала громоздились какие-то флаконы, ясное дело

– тоже заросшие, и лучше не думать, чем.

Туфли Риты стояли на приступочке возле кровати. Она сунула в них ноги привычным движением и встала на коврик рядом – приступочка выглядела покалеченной и с неё упасть легче лёгкого. Коврик когда-то был добротным и шерстяным, а сейчас – лежит весь ветхий, да как бы не молю поеденный. И теперь можно осмотреться.

Потому что да где же она, в конце-то концов!

Где-где, в хламовнике. На старой даче, которая от родителей досталась,

и то столько пыли и хлама не

было, потому что туда нет-нет, да ездили, и после зимы каждый год в порядок приводили, и вообще. А тут что?

Сумка Риты лежала на деревянной лавке, хорошей, добротной деревянной лавке, втором целом предмете в этой комнате после кровати. Она проверила – всё на месте, паспорт, кошелек, телефон. Контейнер из-под обеда – не успела вытащить. Куклы. И куча мелочей, которые водятся в каждой уважающей себя дамской сумке, особенно если эта сумка – не клатч, а хорошая такая сумка, вмещающая полкило фарша, куриную грудку, литр молока и средний кочан капусты. Правда, телефон был выключен и не захотел включаться. Рита даже зарядку

нашла, но – не увидела ни одной розетки.

И хуже того, в комнате не было ни одной двери!

Четыре, мать их, стены, одно окно и ни одной двери! Вот скажите, как такое возможно, и что вообще с этим делать?

Рита дошла до окна и попыталась его открыть. Удалось легко, разошедшаяся рама чуть скрипнула и отворилась. Нда, что за заброшенная дача? И чья?

В окно виднелся лес – совершенно незнакомый, и горы, в родных окрестностях таких тоже не было. Выбраться через окно на улицу не

представлялось возможным, потому что под этой комнатой Рита насчитала ещё два этажа. И что-то вроде чердака сверху.

И как это прикажете понимать? Где она есть вообще? И как тут оказалась?

Единственная всё объясняющая мысль была бредовой до ужаса. Наверное, вчера в неё врезался какой-то местный авторитет, и чтобы она не возмущалась, её увезли куда-то подальше от города, пока она была без сознания, на чью-то старую дачу.

О таком Рите приходилось читать, такая гипотеза объясняла всё, кроме двери. Которой не было.

На всякий случай Рита обошла вокруг кровати – не помогло. Да и вообще кровать казалась в этом месте чужеродным элементом – будто её притащили на нежилой этаж из какого-то другого, жилого. Кровать была новая, красивая и деревянная, а качество постельного белья и занавесок Рита уже успела оценить.

Как это – с окнами, но без дверей, полна горница... кого? Старого хлама?

О нет, Рита любила старый хлам и всегда относилась к нему по-доброму. И сейчас она подумала, что если зеркало помыть, то оно окажется весьма красивым, в своей тяжёлой деревянной раме. И флаконы на столике – очень ведь красивые флаконы, она таких вживе и не видела, только на картинках в книгах и в сети, в числе экспонатов знаменитых музеев мира. И окно помыть, и карниз прибить на место, и пыль вымести. А вот обои только ободрать и выбросить, увы. Реставрировать ткань – а это была ткань – замучаешься, на это все оставшиеся годы жизни уйдут, а толку будет – чуть. И рисунок какой-то мелкий и замороченный – веточки там, птички, подбирать замучаешься. Неэффективно и бессмысленно.

- Да вашу ж мать, где тут дверь? Мне нужна дверь!

Рита не поняла, что произнесла последние слова вслух... но дверь неожиданно появилась. Отличная деревянная межкомнатная дверь, с

медной ручкой, покрытой пятнами, как и всё в этом доме – очевидно, окислилась. Только вот эта дверь гордо возвышалась между кроватью и

стенной, сама по себе. И очевидно, никуда не вела.

- Блин, да что же это такое! – Рита уже чуть не плакала. – Может, дверь

за зеркалом?

Она честно отодвинула тяжеленное зеркало от стены – по дороге то едва не развалилось – и заглянула за него. Испугала до полусмерти большую колонию пауков – они там жили и до Риты, и по ходу, будут жить после неё. Что они тут едят-то? На улицу через щели ползают и там питаются? Эх, а она-то в щель не пролезет, вот никак, больно габаритная.

И кроме того, организм напомнил о вполне обычных потребностях, которые есть у всякого человека с утра. Ладно умыться, а туалет у них где? Или хотя бы какое помойное ведро?

Но помойного ведра не было, и Рита села на лавку, тяжело вздохнула и заплакала. Слезы лились, не останавливаясь, нехорошие слова сами так и рвались с языка. О своей несуразной жизни – вот надо же было так вляпаться. О своих дурных мужиках, которые сели на шею и едут, и ещё попинывают и радуются. О копеечной зарплате за серьёзную кропотливую работу. И вообще о том, что жизнь сложилась вот так – что-то делала, копошилась, о ком-то заботилась, кому-то пользу приносила, а теперь что? Даже помойного ведра не дали. А ей так хочется уже и умыться, и в туалет, и поесть!

Она высказала всё это паукам за зеркалом и мелким мошкам на стекле, а потом оглянулась и с изумлением увидела, как в рисунке драных обоев, меж веточек и птичек, прорисовываются прямые линии, и из них складывается отчётливый прямоугольник. Прорисовывается коробка двери, косяки, замочная скважина, шарниры, ручка. Ручка поворачивается и дверь открывается. И словно приглашает заглянуть дальше.

Рита бросилась туда, в эту дверь, громко рыдая, потому что сил никаких уже не было. Новая комната была совсем небольшой – раза в три-четыре меньше предыдущей, и такой же запущенной, и в ней точно так же не было других дверей – только та, через которую Рита вошла, плюс одна стена с окном и ещё две – просто белых крашенных. Покрашены они были, судя по всему, давно, краска местами облупилась, а местами стала из белой какой угодно другой, пятьдесят оттенков грязного.

Но посередине стоял чистый столик, а на нём – красивый фарфоровый кувшин, расписанный розочками, и такой же фарфоровый тазик. И на табурете рядом – ещё одна фарфоровая посуда с теми же

розочками и с ручкой сбоку, больше всего напоминающая младенческий горшок. Ещё и с золотой отводкой по краю, мать их так! Риту больше всего поразила эта золотая отводка – что за дебильный миллионер накупил антиквариата и использует его по назначению? Такие горшки надо ставить в витрину и рассказывать на их примере о развитии представлений о гигиене, а не... гадить в них! Но – другого варианта ей никто не предложил. Пришлось снимать колготки и трусы, и гадить, и отставлять в уголок, а потом умыться. Там ещё кусок мыла рядом лежал в металлической мыльнице, очень похожей на серебряную – Рита не взялась бы утверждать без экспертизы, но выглядело похоже, и какое-то клеймо сбоку можно было разглядеть, но Ритино зрение не хватило, чтоб разглядеть подробности, а лупы ей никто не предложил, и в сумке тоже не было.

Везде были – на работе, дома – а в сумке не было. Вот ведь!

Она потом ещё перевернула пустой кувшин и посмотрела, нет ли клейма на дне. Было. И не говорило ей ничего, она с такими не встречалась. Такое случалось, мало ли фарфоровых заводиков, и не обо всех она знает, но – если уж клеймо содержало надпись, то она обычно хотя бы могла понять, на каком языке написано. Европа с латиницей, или там Китай-Япония-Корея. А тут она понять не могла, ничегошеньки. Но – неожиданно для себя смогла прочитать надпись.

«Сотю». Это кто, что и где вообще? И... почему она смогла разобрать эти странные символы? Неужели где-то раньше встречала, просто позабыла? Может быть, конечно, за последний год память лучше не стала. Ладно, если удастся найти, где зарядить телефон, то можно будет сфотографировать клеймо и поискать по картинке. А пока – подойти

к окну и посмотреть, что там.

За грязным окном был тот же лес и те же горы. И очень милая полянка внизу – вся заросшая лиловыми цветами. Солнце стояло высоко, наверное – день в разгаре. Рита открыла раму, с трудом откинув крючок – потому что проржавел и никак не хотел шевелиться в своём кольце. Пусть хоть проветрится, что ли, если ни воду грязную никуда не вылить, ни горшок. Хотя она уже была готова выплеснуть содержимое умывального тазика просто на пол – наполоам, в спальне и здесь. Просто чтобы пыль прибить. А то очень уж нехорошо, а ей здесь

быть неизвестно сколько.

Так вот, про неизвестно сколько. Её кормить будут, или как? Если зачем-то заперли, то она им нужна? Или наоборот – Рита у них нежелательный свидетель? Второго не хотелось бы, конечно, да она и не видела ничего. Сквер, лавку, кота и потом вот дорогу, и всё, а ту машину, что её сбила, она вообще не заметила. Ни цвет, ни марку, а о номере и говорить не приходится. Поэтому толку от неё никакого, и её нужно поскорее вернуть из этой грязи домой.

Но сначала вообще-то могли бы и покормить!

Если она проспала одну ночь, то последняя еда была вчера в обед на работе. Сутки уже, или даже больше. Живот отозвался этим мыслям голодным

урчанием.

Есть хочу, думала Рита. Очень хочу!

И с изумлением смотрела, как в стене прорисовывается новая дверь

– ещё куда-то. Вдох, выдох, пошли.

Новая дверь привела в следующую комнату, и первое, что увидела Рита, это – стол с белоснежной скатертью, и на нём – сервированный завтрак.

Божечки, завтрак!

Сервировка поражала той же странной смесью изысканного антиквариата и неизвестности. Две тарелки тонкого фарфора – подставная и десертная, варёное яйцо в подставке – ещё тёплое, и маленькая ложечка к нему, на сервировочной тарелке разложены тонко нарезанные сыр, копчёное мясо и кусочки колбасы. Немного сливочного масла, кусочки свежего хлеба, круассан. Кофейник, сливочник, пустая кофейная чашечка – лёгкая, тонкая, с нежным лиловым рисунком – загляденье.

Все предметы из фарфора имели то самое клеймо – «Сотю». И либо рисунок в виде лиловых цветов, либо просто орнамент из линий такого же и зелёного цветов. Сервиз, мать их. Наверное. А все столовые приборы тоже происходили из набора, с одинаковым рисунком – цветы той же колокольчиковой формы, как и на чашках-тарелках, тяжёлыми литыми ручками и каким-то неразличимым клеймом.

Вокруг же царил традиционный хаос. Кучи пыли, грязные окна, сломанная мебель.

Рита побоялась, что если она всё это сейчас не съест, то оно куда-нибудь денется, села и принялась за еду. Что сказать – яйцо было явно от деревенской курицы, чистилось плохо, но желток внутри был

крупный и тёмный. Сливочное масло – свежее. Сыр – просто необыкновенно вкусный, дома такой стоил очень дорого и покупался только на праздники. Мясо – копчёное, судя по всему, нарезанное тонкими, почти прозрачными ломтиками. Хлеб – очень свежий, круассан – воздушный. Кофе в кофейнике хватило ровно на две чашечки, и сливок оказалось тоже как раз. И ещё в стеклянном графине – чудесная вода, прохладная и вкусная.

Ну вот, умылись, поели, можно понимать, как жить дальше. Взять сумку, попробовать ещё раз включить телефон. Сумка оставалась в спальне, и Рита испугалась – а ну как пока она тут ест, там закрылась дверь?

Она подскочила и бросилась обратно в спальню, но – к её счастью, все двери были открыты и исправно работали, только нещадно скрипели, будто их никто не смазывал уже давным-давно. И штукатурка с потолка сыпалась.

Сумка стояла на лавке в спальне – где её Рита и оставила. И в ней всё было, как и должно было, ничего не изменилось. Но – телефон снова не включался, никак и совсем, и никакие комбинации для экстренного

включения не работали. Ладно, прорвёмся.

Дверь, появившаяся просто так между кроватью и стеной тоже никуда

не делась. Стояла себе и стояла,

как будто так и надо.

Рита обхватила сумку обеими руками, и пошла обходить доступные помещения – спальню, умывальную, столовую. Везде разруха и грязь, и пыль, и паутина видна на ярком солнце. Что ж за засранцы здесь живут, и где они все? На антикварную посуду деньги есть, а на ремонт и на уборку – нет? Что-то странное. А потом пригляделась и поняла, что не просто странное, а очень странное – потому что в умывальном кувшине вновь была налита чистая вода, горшок стоял пустым и сверкал своей неуместной позолотой, а с обеденного стола исчезла вся посуда. Что за нафиг, как говорили дети, и как сама она тоже говорила, чего уж тут?

Новых дверей в подвластных ей трёх комнатах не появлялось, а как сделать, чтобы они появились – она так и не поняла. Вроде бы, когда она сказала, что хочет в туалет, её пустили в умывальную, а когда сказала про голод, то дали поесть. Надо громко кричать? Надо внятно говорить? Тут где-то камеры, и за ней следят?

- Эй, вы, не знаю, как вас там! Я хочу немедленно узнать, где я, зачем я тут и что вообще происходит!

Какой-то шорох за спиной, она испуганно оглянулась – но там никого

не было.

- Люди! Кто-нибудь! Отзовитесь! Кто здесь? Где я?

Рита ходила с сумкой по периметру, стучала в стены, пинала двери, трясла окна. Ничего не выходило, никто не появлялся.

- Да чтоб вас всех перевернуло и подбросило, гады несчастные!

Так-то она могла загнуть и посильнее, но опасалась. Вдруг кто-то

пишет

это всё на камеру, и ей потом

припомнят?

- Уроды бессовестные, смерти моей хотите!

Скрип двери, легкие – очень лёгкие шаги, больше похожие на топоток лапок. И в спальню вбегают, кто бы мог подумать, вчерашний кот! Тот самый, в непонятном ошейнике, за которым она побежала и оказалась

под машиной!

- Ах ты, полосатая скотина, ну я тебя сейчас!

Рита бросила сумку на лавку и сиганула за котом, и уже было схватила, но со всей дури врезалась... во что-то. Или в кого-то. Подняла голову.

Вместо кота перед ней стоял мужик. Круглый, плотный, с брюшком. В полосатом пиджаке и с белой манишкой. С жёлтыми кошачьими глазами и усиками. И носом вёл – прямо как кот.

- Ну что же вы так, прекрасная госпожа Маргарита, - сказал он с укоризной.

Глава 3. Валик, да веник, да сто рублей денег

Какая ещё прекрасная госпожа Маргарита! Нашёл прекрасную госпожу!

Рита сделала шаг назад, оглядела мужика. Мужик да мужик. Одет вычурно, конечно, обычно люди так не одеваются. И пиджак-то не очень и пиджак, и полосы на самом деле не полосы, а вовсе это ткань муаровая на свету так играет. На брюшке застёгнута жилетка, из кармана торчит цепочка от часов. А в кружевной манишке булавка – в форме кошачьей лапки.

- Вы... вы вообще кто? – выдавила она из себя.

- Валентин, к вашим услугам, дорогая госпожа Маргарита, - мужик поклонился, очень легко и изящно, что показалось ей удивительным – при таком-то брюшке.

- А... где кот? – не смогла она спросить ничего умнее. – Здесь был кот!

И вчера в сквере тоже был кот! Тот же самый.

Валентин вздохнул.

- Только не пугайтесь и не кричите, хорошо? Я плохо переношу громкие

звуки.

И будто расплылся, вот прямо расплылся, растворился в воздухе.

А

на его месте воссел тот самый кот, полосатая скотина, с ленточкой на шее. Кот подошёл к Рите, боднул её башкой, потерся об неё шекотной усатой щёчкой. Рита сама не поняла, как наклонилась и почесала кота за загривок, потом за щёку и за шею. Кот громко мурлыкал. Рита прикрыла глаза...

... и вновь открыла, когда услышала громкий звук. Перед ней стоял тот самый Валентин – в муаровом костюме и кружевной манишке,

и с часами.

- Да кто же вы? И зачем меня сюда притащили? – сказала она тихо и

жалобно.

- Я – дух-хранитель этого дома, - с поклоном произнёс он.

- Что? – нахмурилась Рита.

- И я перенёс вас сюда, потому что там, в вашем мире, вам было плохо, а здесь будет хорошо. И ещё потому, что вы мне подходите.

- Для чего это я вам подхожу, позвольте узнать? – Рита уже упёрла руки в боки и была готова взорваться. – Куда вы меня увезли? И сеть глушите, да, что я телефон включить не могу? Меня ж дома обыскались!

- Да никто вас, уважаемая госпожа Маргарита, не ищет, - Валентин как будто обиделся. – Ушли и пропали, и всё, в ваших краях такое случается. Ваш муж сообщил властям о пропаже, но его не стали слушать, потому что прошло слишком мало времени. Ваш сын сказал, что грустно, но справимся. А ваши коллеги по службе очень огорчились, но кто-то уже готов занять ваше место.

- Откуда вы всё это знаете? – не поверила Рита.

Хотя всё звучало очень логично. Сенька поступил по правилам. Ваня пофигист, и всегда им был. А на работе есть Люся, она справится.

- Вы бандит, да? – Рита хлюпнула носом.

И порадовалась, что хотя бы родители не дожили, а то вот ещё дело

было бы!

- Отчего это вы так подумали? – Валентин даже как будто обиделся. – Никакой я не бандит, и никогда им не был!

- Тогда возвращайте меня обратно! - и она яростно сверкнула глазами.

- Так, голубушка моя госпожа Маргарита, прекраснейшая из прекрасных. Сделайте милость, послушайте. Я могу вернуть вас обратно, в тот же самый миг, когда мы с вами встретились. И пойдёте вы обратно домой, плакать, ссориться с вашими домашними, и безуспешно отвоёвывать у них право на собственную жизнь. Но, может быть, вы хотя бы послушаете, для чего я перенёс вас сюда? И потом уже решите?

Он смотрел так умильно, что она, ещё мгновение назад не желавшая никого слушать, нерешительно кивнула. Тогда котомужик подошёл к ней, взял из рук сумку, положил на лавку. Усадил её, сам сел рядом.

- Нам здесь без вас плохо, дорогая госпожа Маргарита.

- Кому – нам? Где – здесь? И с чего плохо?

- Вы не могли не заметить, что дом находится не в самом лучшем состоянии.

- Да, засрались вы знатно, - кивнула Рита. - Что, кто-то купил типа

хватило? шикарный дом, а на ремонт и уборку уже не

- Нет, госпожа Маргарита, всё не так, - покачал головой мужик. - Это особый дом, непростой.

- Да, я заметила. Так зарости по самую маковку – это постараться нужно,

не все сумеют.

- Дом больше ста лет без хозяев, понимаете? И если бы он умел плакать – то рыдал бы горячими слезами. Но плакать он не умеет, только радоваться. И он уже обрадовался – видите? – Валентин показал

на кровать.

- Вы о чём? – не поняла Рита.

- Он почувствовал вас и смог сделать эту постель. И наверное, что-то

ещё. Вы ведь умылись? Поели?

- Умылась и поела, но я всё равно не понимаю, - вздохнула Рита.

- Я постараюсь объяснить. Этот дом выстроил несколько веков назад могущественный маг господин Гийом – для своей возлюбленной, госпожи Маргариты. Дом умеет следить за собой сам, и

выполнять желания своего владельца, но – это должен быть подходящий дому владелец. Только женщина по имени Маргарита может быть настоящей хозяйкой этого дома. И ещё нужно, чтобы она владела бытовой и артефактной магией, чтобы уметь с домом договариваться.

Вы нам подходите, дому и мне.

- Бред какой-то. Какие подходящие владельцы, какая магия? Тут у вас хламовник в три этажа, и ещё, наверное, чердак и подвал имеются. И всего-то надо – нехреновую кучу денег, и людей, чтобы привести дом в порядок. Да, работы много, но моя бабушка всегда любила повторять, что глазки боятся, а ручки – делают.

- Вы владеете магией, просто не знали об этом раньше, - сообщил кот.

- Бред какой, - покачала головой Рита. - Вы, наверное, книжек перечитали. Или я книжек перечитала, и мне всё это мерещится. Я попала под машину, лежу в коме, и мне мерещится какая-то дурь в стиле тех историй, что я в последние месяцы читала. Про попаданок. Попаданок не бывает, это всё выдумки. И магии не бывает. И говорящих котов не бывает тоже!

- Но я-то существую, - Валентин мягко коснулся рукой руки Риты.

- Да, я в своём виде появился не вполне обычным образом, но – это

работа великого мага. И пока существует этот дом, существую и я. Скажите, вас зовут Маргарита?

- Ну, - кивнула Рита, всё ещё не веря и не понимая. - МММ, Маргарита Михайловна Мерзликина.

- И вы знаете, как отремонтировать старую вещь, чтобы она была

- как новая?

- Да, - продолжала хмуриться Рита. - Я музейщик и реставратор.

Реставратор тот ещё, но отдельный по штату не положен, вот и приходится заниматься всем подряд – и оформлением документов на движение предметов по выставкам, и выдачей – приёмом, и той самой реставрацией – когда сильно припирает, и приличный предмет становится нельзя людям показывать. А возмещение самых небольших утрат на музейном предмете – это уже реставрация. Риту даже на курсы отправляли, учили – и кое-чему научили, во всяком случае, с предметами из ткани она управляться умела, и совсем немного – с металлом, стеклом и фарфором.

- Вот, значит – вы сможете справиться с запустением в доме.

боже, им тут что, услуги не хватает?

- Мне кажется, вам нужна не я, а ремонтная бригада и клининговое агентство.

- Нет, дорогая госпожа Маргарита. Нам – дому и мне – нужны вы.

Одарённая женщина, которую зовут Маргаритой, и которая знает, к чему здесь приложить руки, чтобы всё стало хорошо. Которая не выбросит старую вещь только потому, что та старая и утратила свой красивый вид. Которая умеет творить чудеса своими руками. Понимаете, даже если у вас и не окажется в итоге магических способностей – дом-то вас уже признал. Значит, вы подходите, – проникновенно говорил кот Валентин. – И сможете спасти нас, понимаете, спасти.

Эх, почему же такие слова всегда говорят не те, от кого их ждёшь?

Вот если пришёл к Рите в кабинет директор музея, или кто другой из начальников, да сказал то же самое... Потолок бы осыпался от удивления, и все жильцы с верхних этажей к ним бы в фонды в тот же миг провалились, вот что бы было. Поэтому – лучше не надо.

Но Рита не была бы Ритой, если бы не спросила:

- Ну хорошо, я соглашусь разобрать ваше здешнее безобразие. А что мне за это будет?

- Как что? – изумился кот. – Дом. Этот дом.

- Как этот дом? – изумилась в свою очередь Рита.

- Вот так. Если вы согласны – дом ваш.

- Мой? – продолжала изумляться Рита, а мысли тем временем лихорадочно

скакали.

Так, если она не найдётся, то квартира достанется Надюшке и Ване пополам, потому что её собственность, а Сенька отпал в полуфинале. Или продадут и поделят, или что там ещё, разберутся, не маленькие. А она, значит, получит огромный дом в аварийном состоянии, в котором встречаются отдельные антикварные предметы в отличной сохранности. Наверное, можно будет продать часть имущества, и вложиться в ремонт?

- Скажи-ка мне, Валя, – начала она и не поняла, чего таращится мужик.

- Кто? – он смотрел на неё, не мигая.

- Ах, простите, Валентин, не знаю, как вас по батюшке, – поправилась Рита.

- По... кому? – он продолжал тормозить.

- Как звали вашего высокочтимого отца?

- А мне откуда знать? Я и кошку-мать свою очень плохо помню, давно это было, да и бросила она меня. Я бы концы отдал, если б не господин Гийом, он меня подобрал, выкормил с пальца и сделал духом-хранителем этого дома.

- Ври, да не завирайся – какой из тебя дух! Духи бесплотные, а ты весьма упитанный, – Рита осторожно тронула его за бок. – Я тебя в руках удержать не смогла вчера, такой был толстый, и сейчас, знаешь, тоже

не маленький, а ты говоришь – дух!

Кот Валентин ухмыльнулся и исчез. Вот прямо исчез, ничего не осталось

– ни усов, ни манишки.

- Если вам, дорогая госпожа Маргарита, так удобнее – извольте, – котский голос прозвучал из пустоты особенно ядовито.

- Полтергейст, – выдохнула Рита.

- Прекратите обзывать, ясно? Я понимаю, что вы выросли и прожили всю жизнь среди людей диких и неразвитых, но это не повод уподобляться им и здесь!

- Чего это диких и неразвитых? – не поняла Рита. – Чем тебе люди не

угодили?

- Потёрся я там среди людей, пока вас искал, послушал, как вы все разговариваете. И как вы на работе с сослуживцами говорите, послушал, и как дома с мужем – тоже.

Э-э-э-э... Ну да, на работе бывает, что и матом, когда непонятливые сотрудники производят очередной косяк. Или фотографии конца девятнадцатого века – подлинники – приклеивают к паспорту на двусторонний скотч. Или рушник крепят на стену гвоздём

– берут и прибивают, прямо насквозь. А про бардак в документации и говорить не приходится. И их убить после такого хочется, не только обматерить.

- Не мы такие, жизнь такая, – отрезала Рита. – На работе у меня вредные условия и сотрудники-остолопы. А муж вообще уже бывший, причём по его желанию. Сам захотел. Ему от меня только пожрать и надо, а всё остальное – от девок молодых. Они его кормить не разбежались, и носки его стирать, а потрахаться – со всем, понимаешь ли,

Валя, уважением. Вот ты бы стал такое

терпеть? Только честно?

Пустой воздух вздохнул.

- Да нет, наверное, не стал бы, - раздался вздох. - Только, госпожа Маргарита, могу я вас попросить?

- Попробуй, - кивнула она.

- Не называйте меня этим... прозвищем. Пожалуйста.

- И как же тебя называть? Полным именем? И даже ласково никак не

сократить? - не поняла Рита.

- Ласково? Сократить? - не понял духокот.

- Вот я, конечно, по паспорту Маргарита, да ещё Михайловна, но так ко мне только на работе обращаются, и то - из соседних отделов. А вообще меня зовут - Рита. И ко мне, мил друг, пожалуйста, на «ты», я всяких этих неоправданных церемоний не люблю. А ты не хочешь быть Вaley - могу ещё что-нибудь придумать. Будешь Валиком. Валик, да веник, да сто рублей денег. И хорошо, если денег, а не убытку, - почему-то вдруг вспомнилась детская присказка про барыню-мадам,

и что там у этой мадам с собой было.

Воздух рядом поперхнулся.

- Кем-кем?

- Ну не Валя, а Валик. Валичек, если угодно. Валечка.

Воздух молчал - очевидно, переваривал. Потом осторожно спросил:

- И... что это значит?

- Что-что, что мы друзья, - усмехнулась Рита.

- Ну... хорошо, - он проявился вновь в человеческом облике и неуверенно ей кивнул.

- Вот и славненько, - кивнула Рита. - А теперь рассказывай, что там за тёмная история с этим домом. Где хозяева, и причём тут я. Понимаешь, я убеждена всей своей жизнью, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и хочу узнать, куда сую голову, прежде чем что-то обещаю.

- Похвально, госпожа Маргарита, - кивнул Валик. Она тоскливо вздохнула.

- Ох, Валентин-Валентин, чучело ты хвостатое. Ладно, хочешь -

буду тебе госпожа. Как говорится – хоть горшком назови, только в печку не ставь. Так вот, что там про дом?

- Так я же положил вам договор, - не понял кот. - Неужели вы его не

прочитали?

- Договор? - не поняла Рита. - Какой ещё договор и куда положил?

- Так рядом с вами, - он кивнул куда-то на кровать.

Рита поднялась и отдёрнула занавески, оглядела простыни и подушки, и рядом с подушками, с противоположной стороны кровати, и вправду увидела бумагу. Плотную, немного желтоватую, совсем не похожую на листы А4 для принтера. И текст на ней был написан, не поверите, чернилами. Рита несколько мгновений смотрела на замысловатую вязь и не могла ничего понять, а потом вдруг – раз! – и непонятные закорючки сложились в буквы.

«Я, Гийом Бодуан, передаю этот дом и всё, что в нём содержится, госпоже Маргарите в полное владение с тем, чтобы она смотрела за домом, содержала его до самой своей смерти и передала в заботливые руки наследников» - что, и всё? Впрочем, была ещё подпись – размашистая

закорючка, даже с брызгами вокруг первой буквы.

- А где сказано, что госпожа Маргарита – это я? - нахмурила брови

Рита.

- А вы подпишете своим именем, и оно там будет, - умильно улыбнулся кот.

- Что значит – смотреть за домом? – продолжала спрашивать Рита.

- Это значит – спасти его от разрушения и от грязных посягательств людей, не имеющих на него никакого права, - с готовностью пояснил кот.

- Да как я это сделаю-то, я тут не знаю никого и ничего!

- Я представлю вас всем нужным людям, - поклонился кот. - Вам придётся съездить в город, к нотариусу господину Буасси, чтобы подтвердить свои права на владение домом господина Гийома. Вы покажете бумагу, я подтвержу вашу личность, но впрочем, все знают, что неподходящая особа не сможет подписать такую бумагу.

- Съездить в город? И далеко до того города?

- Полчаса, - с готовностью подсказал кот.

- А на чём ехать? Что-то я не вижу здесь поблизости никакой остановки транспорта.

- Так есть экипаж, - сообщил кот. - А коней... найдём.

- Да где ж найдём-то, и каких коней, я ничего не знаю про коней!

Ни чем кормить, ни как ухаживать!

- Это решится, не волнуйтесь так, дорогая госпожа Маргарита. В этом доме можно решить всё.

- Да как можно-то, что ты мне тут зубы заговариваешь! Бумажку какую-то подсунул! И только-то! Как мы с тобой будем эту хламину ремонтировать? Есть ли деньги на ремонт? Или придётся вилки продавать и горшки золочёные? Чем питаться, если до города полчаса неизвестно

на чём? И ещё кони какие-то!

- Дорогая госпожа Маргарита, - кот сделался несчастным, - понимаете, здесь всё не так, как вы привыкли. Но вы справитесь, я уверен, что справитесь, я долго за вами наблюдал. И вам понравится, не может не понравиться! Вы поймёте, как это действует, но для того, чтобы понять, вам нужно подписать эту бумагу. Тогда магия дома вступит в силу, вы сможете менять здесь всё по своему усмотрению, а дом возьмёт под защиту вас и всех, на кого вы укажете.

Рита молчала. Вроде и хочется, и колется. Ну где она ещё найдёт такой дом, хоть бы и в аварийном состоянии? Такие дома большие миллионы стоят. А убраться... ну что, мало она в своей жизни убиралась,

что ли? И никаких домов ей за это не обещали!

- А ночевать здесь? Или домой ходить можно? - уточнила она. Кот вздохнул.

- Домой - это туда, к вам? К вашему, как вы говорите, бывшему мужу?

- Ну, - кивнула Рита, не понимая, куда он клонит. - И к сыну, сыну

меня, прямо сказать, беспомощный.

- А вы уверены, что сможете оттуда вернуться? Я вот - нет. И может быть, уже пора дать вашему сыну шанс стать самостоятельным мужчиной?

Не сможет вернуться? Эх.

- Ладно, подпишу, - Рита достала из своей сумки ручку, и хотела было уже поставить подпись, но кот остановил её.

- Подождите, госпожа Маргарита. Вот, это для вас.

И у него на ладони вдруг появилась чернильница и перо, самое настоящее гусиное перо! Рите случалось держать такое в руках, но вот чтобы прямо вместо ручки?

- Ручка аккуратнее, - нерешительно сказала она.

- Наверное, - не стал спорить кот. - Но для скрепления подписью магического документа и всё остальное должно быть соответствующим.

Ладно, ну что она теряет? Наверное, ничего.

Рита взяла перо, обмакнула в чернильницу, аккуратно стряхнула лишние капли. Угнездила документ на коленях, но кот ловко подсунул под него какую-то дощечку. И впрямь, так удобнее.

- Подпись и расшифровка подписи, так? - уточнила она у кота.

- Как вы обычно подписываете важные документы? Так и делайте,

- кивнул он.

Рита поставила подпись, а в скобках принялась расшифровывать. Чернила на кончике пера закончились в тот момент, когда она выводила «Маргарита», даже не дойдя до отчества и фамилии. Пришлось макать заново, стряхивать и вот это всё. К слову, чернила были красными.

В итоге подпись «Маргарита Михайловна Мерзликина» вышла кривоватой, но - уж как есть. И стоило ей вывести последнюю букву, как прямо под её каракульками появились чёткие ровные буквы, такого же красного цвета, как будто проступили изнутри листа: «Гийом Бодуан».

А внизу, на улице, что-то грохнуло.

Глава 4. И никаких инструкций

Грохнуло так, что Рита пискнула, зажмурилась и зажала руками уши. Как машина во что-то врезалась, или вот ещё однажды на девятое мая

был не фейерверк, а прямо артиллерийский салют - очень похоже.

- Это пушка, - пояснил Валентин.

- Какая ещё пушка? - спросила, отдышавшись, Рита.

- Обычная, у входа стоит, - отмахнулся тот, как от ерунды.

Ну да, ну да, подумаешь - пушка! Эка невидаль, у каждого

подъезда

должна стоять.

- И... что теперь?

- А теперь пойдём осматривать дом. Чтобы вы поняли, какое сокровище вам досталось.

Валентин поднялся, поклонился и подал ей руку – вот прямо подал, и руку, надо же. Воспитанный, хвост полосатый. Ничего не осталось, только подняться и тоже протянуть ему руку. Впрочем, дальше Рита поняла, что этот жест был не столько вежливостью, сколько жизненной необходимостью – потому как от того, что Рита подписала бумагу и где-то внизу выстрелила пушка,хламовник бытьхламовником не перестал.

Теперь двери были в каждой комнате – толстые, добротные двери, с медными ручками, медными же накладками и какой-то резьбой. Они открывались со скрипом, или не открывались вовсе, потому что разбухли, или заклинило, или повело и перекорёжило. И на полу много где

в беспорядке громоздились

сломанные лавки и стулья, и ещё какие-то доски, и диван с разошедшей и треснувшей обивкой, и столики с облупившимся лаком, и ветхие шторы, и что-то ещё, о чём Рита с ходу даже сообразить не могла.

Моль и мошки разлетались при их появлении, паутина слегка шевелилась от движения воздуха, пауки разбегались. Наверное, и мыши есть, как же в таком доме без мышей? Или Валик всех выловил?

Ладно, сейчас посмотрим, сядем и набросаем план работ. Что сначала, что потом. Сколько этажей, сколько комнат и всё такое.

Пока в основном встречались приличные комнаты – на третьем этаже гостиные и спальни, и гардеробная с кучей ветхих тряпок – эх, в

музей бы их, и то после обработки и может быть бережной чистки и реставрации, потому что они ж при стирке рассыплются окончательно! На втором этаже Валентин показал большую столовую – наверное, человек сорок можно усадить за стол, и чего эти непонятные люди хотя бы чехлами мебель не накрыли? Глядишь, и лучше бы сохранилась. Рядом со столовой располагалась просторная зала в два этажа высотой, с зеркалами, хрустальными люстрами и балкончиком под самым потолком – Валентин сказал, что бальная. Но паркет в этой зале разошёлся, и отдельные плашки торчали так, что можно запнуться и нос разбить. Шторы висели серыми пыльными облаками. В библиотеке, тоже занимавшей в высоту два этажа, прежние владельцы подкопили неплохую коллекцию книг, и Рита бы с удовольствием принялась эти книги рассматривать, потому что очень уж заманчиво выглядели корешки – все сплошь неизвестные – но увы, Валентин тянул её дальше – потом, мол, посмотришь.

А дальше шёл первый этаж и подвалы. По широкой лестнице Рита и Валентин спустились в прихожую, то есть – в большой просторный холл, из которого можно было выйти на улицу. Рита и двинулась в том направлении, и большие двустворчатые двери сами распахнулись, когда

она подошла достаточно близко.

Что ж, снаружи день ощутимо клонился к вечеру. И если дома весна нынче удалась холодная, то есть – не удалась вовсе, откровенно говоря – ну какая весна, если к концу мая даже деревья ещё толком не начали цвести, и одуванчики только на теплотрассе? То здесь с весной всё хорошо, травка, цветочки лиловые – да прямо вот те самые цветочки, которые на тарелках были нарисованы!

- Что это за цветы, Валичек? – спросила Рита.

- А это любимые цветы самой первой госпожи Маргариты, до неё в здешних краях таких не росло. О ней рассказывали, что она шла по лесу – и цветы распускались там, где она ступала, хоть магом-то она и не была. Но так велика была их любовь с господином Гийомом, что в этом

доме она всё равно что сама магией владела.

- Сказки какие-то, - не поверила Рита.

Но цветочки росли, и выглядели очень симпатично. Какая разница, откуда они тут взялись, раз уж растут – то и хорошо. Рита не была огородницей, но в горшках на подоконниках у неё всё время что-то росло. И хорошо, что здесь уже есть цветы, хоть она и не отказалась

бы съездить на здешний рынок и посмотреть – какую рассаду продают и какие саженцы, вдруг можно что-то прикупить в хозяйство?

- Валик, а деньги-то у нас есть? – спросила Рита кота.

- Ох, госпожа Маргарита, - вздохнул он, и Рита поняла, что с деньгами не густо. – Есть, но немного. А когда прослышат, что здесь появилась хозяйка, то придут и будут хотеть налогов, участия в городском благоустройстве и чего-нибудь ещё, что прописано в хартии местных жителей.

- Какой ещё хартии? – ну вот, что ещё за проблемы?

- Жители Верлена несколько сотен лет назад подписали хартию о том, что владеют окрестными землями сами, без сеньора, но сами и платят в казну всё, что причитается, и за дорогами следят, и за мостовыми, и за всеми общественными зданиями. И поэтому ещё вам придётся представиться господину мэру и городскому Совету – как новой владелице собственности на землях Верлена.

- Еще, того и гляди, в трёхдневный срок? – нахмурилась Рита.

- Можно немного дольше, - дипломатично улыбнулся Валентин.

И повёл её дальше. Показал ту самую пушку, стоящую справа от входа, и конюшню, с виду - подозрительно пустую, и голубятню, и ограду - странно невысокую.

- А чего забор-то маленький такой? - не поняла Рита.

- А того, дорогая госпожа Маргарита, что кого магией не испугаешь, того и стенами не удержишь, - сказал он назидательно.

И они пошли обратно в дом.

Кроме входного холла с большой лестницей наверх, на первом этаже

располагались кухня и кладовые, и ещё лестница в подвал.

- Что в подвале? - строго спросила Рита.

На работе у неё были богатейшие подвалы. Строго говоря, хранить музейные предметы в подвалах нельзя, но когда ничего другого нет, то - будешь.

Валентин задумался.

- Сейчас, наверное, пусто, разве только в винном погребе что-то есть.

- Ну хоть напиться, по такому-то случаю, - вздохнула Рита.

Хотя - она вдруг с удивлением поняла, что дом ей нравится. Что она уже не боится предстоящего объёма работы, что как-то и где-то найдутся люди, с помощью которых это делать, и она сможет. И

получится здорово и красиво. Кто бы ей в домашней жизни предложил дом, просто за то, что она приведёт его в порядок? Нет, ей доводилось читать о домах за евро в аварийном состоянии, но все они находились в таких местах, где простым смертным поселиться не так-то просто. И вложить

в них нужно было очень много, и вовсе не в рублях. А тут...

- Валик, ты ведь мне поможешь, да?

- Конечно, дорогая госпожа Маргарита, - тут же откликнулся кот, и ей показалось, что локтя на мгновение коснулись не пальцы, а шёрстка.

- Тогда, наверное, сдуюим, - кивнула она. - Что за этой дверью?

- Здесь стояли сундуки и шкафы для тех продуктов, которые не нуждаются в холоде и темноте, - Валентин открыл тяжёлую, жалобно

скрипнувшую дверь и придержал для неё.

Рита вошла, огляделась – как везде. Грязное окно, почему-то открытое, разошедшиеся дверцы шкафов, откинута к стене крышка сундука. И... она не сразу разглядела, потому что сгустились сумерки, но

– на полу у сундука кто-то лежал!

- Валь, кто там?

Бедняга кот отодрал от себя её судорожно вцепившиеся пальцы и шагнул вперёд.

- Свет, пожалуйста, - попросил он.

И стало светлее! Под потолком зажглось несколько круглых ярких огоньков. И в их свете Рита отчётливо разглядела лежащего на полу молодого человека, по возрасту – как оставшийся дома Ванька, только сын хорошо питается и выглядит здоровым, а этого мальчика будто голодом морили – весь так и светится, кожа да кости.

Глаза его были закрыты, на шум, скрип и шаги он не отозвался.

Но дышал. Похоже, был без сознания.

- Кто это, Валя? Что он тут делает и как сюда попал? И почему такой худой? И куда его теперь девать? И... - Рита снова схватила его за плечо.

- Погодите, дорогая госпожа Маргарита. Не торопитесь. Сейчас разберёмся. Вы мне позволите? – кот подёргал свою лапку, то есть – руку.

Рита опомнилась и отпустила кота, тот подошёл к лежащему мальчику

и осмотрел его, и даже потрогал.

- Молодой человек жив, но – без сознания, - подтвердил кот то, что Рита уже подозревала. – И – он маг. У него истощение – и физическое, и магическое. И на его примере вы можете посмотреть, что бывает, если имущество осталось без присмотра. Любой, понимаете ли, маг может попасть внутрь. Или не любой, но – всё равно может. Он явно оказался внутри до того, как вы подписали договор. Потому и смог забраться в окошко, дверей-то ему не показывали.

- И... что теперь делать? Не выгонять же его! Он же... маленький и

замученный!

- Где это вы увидели, госпожа Маргарита, маленького? –

поинтересовался кот, а сам тем временем трогал лежащего мальчика за руки, за шею, за лоб.

- Конечно маленький, он же, как мой Ванька, - сообщила Рита, и присела рядом.

- Не скажу... - вдруг тихо и отчётливо сказал мальчик. - Ничего не скажу. Сами узнавайте, как хотите, подлые предатели.

- Отчего это мы предатели? - поинтересовался кот. - Никого я не предавал, даже и не собирался.

- Его нужно показать врачу! Есть здесь врач? - поинтересовалась Рита.

- В городе - есть. Но именно врач, не целитель. А мага-целителя ещё

пойди найди, - сообщил кот.

Будто ей есть разница, как называть, врач или целитель! Надо помочь

человеку - и точка!

- И что тогда? Что мы можем для него сделать?

- Отнести в кровать, раз уж вам захотелось побыть к нему милосердной. Если я хоть что-нибудь понимаю в людях, то к утру он очнётся и всё нам расскажет - кто предатели, и что он здесь делает.

- Убежище... - проговорил мальчик. - Найти убежище. Спрятаться самому

и... не только самому. И ждать.

- Вот видите, госпожа Маргарита? Ждать. Помогайте.

Вдвоём они подняли мальчика с полу и дотащили до лестницы в большом холле. Попутно Рита ещё раз огляделась - ну и прихожка, всем приходим прихожая! На стене напротив входа какой-то гобелен с мужиком на коне, а пол каменный, не деревянный. На потолке люстра с подвесками и паутиной. Ладно, разберёмся, утро вечера мудренее.

На улице стемнело, но везде, где они проходили, каким-то непонятным образом загорался свет. Чуть засветилась та самая большая люстра с паутиной, на лестнице вспыхнули факелы - не ярко, но им хватало, чтобы не запнуться о ступеньку и не завалиться вместе со своим грузом. Так добрались до верха - и Валентин кивнул на какую-то приоткрытую дверь. Кажется, рядом с Ритиной спальней - с той самой, в которой она ночевала.

В этой комнате они сегодня тоже уже были. Кровать с пологом, похожая на уже знакомую Рите, но немного другая. Не такая красивая, как Ритина, но и нет ощущения, что рассыплется от взгляда. Лавка, сундук. Столик возле кровати.

На эту кровать они мальчика и сгрузили, и Рита сняла с него сапоги

– грязные, жуть! И накрыла одеялом.

– Валичек, ему б хоть воды тут поставить. А то проснётся ночью – и

даже глотнуть нечего.

– Воды? Отчего нет? Попробуйте, госпожа Маргарита. У вас должно

получиться.

– Что именно? – нахмурилась она.

– Попросить воды.

– Эй, кто там есть, воды дайте! Пожалуйста! – прокричала Рита куда-то

в потолок.

Мальчик дёрнулся и глухо застонал, не открывая, впрочем, глаз. А Валентин закрыл руками уши.

– Зачем же так кричать, дорогая госпожа Маргарита? – страдальчески наморщился он. – Нежнее надо, спокойнее.

– Дайте пожалуйста воды, кто тут всем заправляет! Даже не мне, а вот для мальчика, – проговорила она, всё ещё глядя в потолок.

Но ничего не происходило.

– Заправляете тут теперь вы, – назидательно сказал Валентин.

– Что-то не верится, – покачала головой Рита. – Или мне не дали инструкцию. Вот как ты свет зажигал, пока мы шли? Я ничего не поняла.

– Наверное, вы просто устали, госпожа Маргарита, – вздохнул кот.

– Завтра будет проще. Как вы сказали – утро вечера мудренее.

– Верно, так и сказала, но – поесть бы. Тут ужин бывает? Или только

обед один раз в день?

– Тут бывает всё, что нужно хозяевам. И завтрак, и обед, и ужин, и напитки, и даже бананы заморские. Главное – правильно попросить.

– Научил бы, что ли, – со вздохом сказала Рита. – Как правильно. А учёная я сама буду понемногу справляться.

- Понимаете, тут нет заветной магической формулы. Нужно проникнуться. И понять.

- Да непонятливая я, - отмахнулась Рита. - И не выйдет у меня ничего.

- Выйдет, просто не сразу, - не согласился кот. - Вот представьте - мы с вами идём ужинать, а на столе... что?

- Картошечка, пюре. С котлеткой. С двумя. И салатик, из свежих огурцов, редиски и зелени, лука с укропом. И с яичком варёным. А заправлен - майонезом. Кто-то может подумать, что фу, а я люблю. И чай свежий, с бергамотом. А нет бергамота - так можно с мятой или чабрецом. И печенье к чаю, рассыпчатое.

- Вы так это представляете, что и у меня слюнки потекли, - усмехнулся кот.

- А ты-то, хвост полосатый, что ешь? Нормальную еду, или так, мышей ловишь?

- А я, дорогая моя госпожа Маргарита, могу вообще ничего не есть. Но с удовольствием составлю вам компанию. Очень уж мне интересно, что у вас выйдет сейчас.

- Да ерунда какая-нибудь, как обычно, - отмахнулась Рита. - Но графин с водой и стакан для мальчика нам бы добыть. Такой... просто графин. И просто стакан. С просто водой. Если б я знала всю посуду в этом доме, то сказала бы конкретнее.

- Гляньте, - улыбнулся Валентин.

Рита глянула... и, что называется, уронила челюсть.

На столике возле кровати, на металлическом подносе, накрытом льняной салфеткой, стоял графин с водой - стеклянный, с узором. И с таким же узором - стакан,

- Но как? - заныла Рита, не понимая.

- Вам удалось, - Валентин поклонился ей и отворил дверь наружу.

- Идёмте, посмотрим, удалось ли с ужином.

- Руки бы сначала помыть, - проворчала Рита. - После того, как в здешней грязи валандались.

- Прошу вас, - он галантно отворил дверь в умывальню - Рита её узнала.

Дверь захлопнулась за её спиной... а внутри было темно. Тьфу ты, да что ж такое-то, как с этим всем управляться-то!

Она зажмурилась и представила, как бы здорово здесь было, если бы вдруг стало светло – как в ванной дома. Но дома-то она не так давно повесила светодиодный светильник, а здесь-то что может быть, чтоб такое же яркое? Здесь же электричества-то нет, допотопия какая-то! Поэтому... самое яркое, что только можно. Вся умывальная посуда блестит. И позолота на горшке тоже блестит. И что там ещё. Окно, например.

Чистое. В нём светильники отражаются...

Яркий свет резанул даже по закрытым глазам. Рита аккуратно приоткрыла

их – мамочки!

Под потолком висели и переливались два десятка светящихся шариков. И они были изрядно ярче той светодиодной лампы дома! Посуда сверкала, зеркало на стене сверкало тоже, а было оно там раньше

или же нет, Рита не помнила. Могла не заметить.

Вот так. Что ли нужно представить? И будет? А если водопровод представить,

с краном? Ладно, это потом.

Она помыла руки и лицо, и горшок тоже пригодился. И уходя, громко сказала:

- Спасибо. Можно выключать, я ухожу.

И решительно шагнула к двери, а свет за её спиной послушно погас.

В гостиной Валентин поджидал Риту за накрытым столом. И что же? На блюде под крышкой лежали котлеты и картофельное пюре – с ямкой посередине, и в ней – растопленное масло. И салат – как она заказывала, и ещё отдельно на блюде тонко нарезанные огурцы и редиска. И серебряная солонка с крошечной ложечкой рядом – мол, если надо. Графин с водой, графин с вином. Стаканы, бокалы. Вилки, ножи. И заварник – с лиловыми цветочками, и такие же чайные пары. И горка песочного печенья на тарелочке.

- Праздник живота, - выдохнула Рита, садясь за стол.

Давно уже она не ела так вкусно, да ещё чтоб не самой готовить. Красота какая! А когда они с Валентином съели всю еду, то в большом чайнике сама собой закипела вода. Валентин заварил чай – листья

лежали в ситечке внутри заварочного чайника, и там же – листики чабреца

и мяты. Всё, как она просила!

После такого чудесного ужина оставалось только пойти спать.

- Кысь полосатый, а спишь-то ты где? – спросила Рита.

- Да где придётся, - вздохнул тот. - Клубком свернусь, и ладно.

- Если клубком, - она строго оглядела его, - то приходи ко мне под бок, как я улягусь. Всегда мечтала, чтоб кот под боком спал.

Правда, в спальне возникла трудность – спать в платье ещё раз Рите не хотелось, а ничего другого у неё с собой не было. А приличной одежды они нигде во время осмотра сегодня не встретили. Эх, просто майку бы какую, и то хлеб. Вот знать бы... Труссы-то ладно, можно постирать.

И колготки. И лифчик. А вот платье у неё одно...

Рита подошла к кровати, открыла шторы и отвернула одеяло. И с удивлением увидела ночнушку! Вот прямо ночнушку, новенькую, из тонкой ткани вроде батиста, с вышивкой теми же лиловыми цветочками и кружавчиками. Стопроцентно натуральную, ничего чесаться не будет.

Она ещё раз сходила в ванную – помыть всё, что можно, в таких условиях. Произнесла на входе строгим голосом – свет, пожалуйста! – и ей тут же включили тех самых волшебных шариков. Помылась, постиралась, надела сорочку и отправилась спать.

- Ну что вы, госпожа Маргарита, уже улеглись? – спросил Валентин

из-за другой двери.

- Да, да, приходи.

Тяжёлое кошачье тело заскочило на кровать, прошлось по Ритиным ногам и улеглось с краю.

Спокойной ночи.

Глава 5. Непредвиденные обстоятельства

Сон Риты был беспокойным – ей всё время виделось, что она от кого-то прячется и кому-то что-то доказывает. И не понять – удалось или нет, и спрятаться, и доказать. Она просыпалась, не понимала, где находится, почему она спит на такой широкой кровати, и что это за шторы, и это ещё что такое тяжёлое на ногах лежит!

Потом тяжёлое на ногах начинало ворочаться и мурлыкать, она вспоминала, что у неё теперь вдруг есть какой-то странный дом, и ещё более странный кот, который готов охранять её сон. И спала дальше.

Дома утро начиналось с будильника. А здесь началось со страшного грохота. Рита подскочила на постели и испуганно

прислушивалась – что такое-то, дома такой грохот обозначал бы, что крыша у дома провалилась, не иначе, или на улице рвануло что-то, а тут что за напасть?

Кот Валентин мягким прыжком слетел с кровати, обращаясь в полёте в человека.

- Я узнаю, что там, госпожа Маргарита, - поклонился, и был таков. Ладно, надо тоже встать и пойти разбираться.

Рита поднялась, умылась – в кувшине была приготовлена вода, а по невнятному запросу «зубы-то есть, чем почистить?» появился зубной порошок в серебряной баночке и перламутровая щётка с отполированной деревянной ручкой. Дальше надеть высохшие за ночь предметы нижнего белья, платье, сунуть ноги в туфли и бежать вниз – там явно что-то происходило.

И да, там происходило. Рита пронеслась ураганом через прихожку с гобеленом и подкралась на цыпочках к входной двери. Дверь попыталась было открыться для неё, но Рита шикнула – мол, не прямо сейчас. И приложила ухо к щели между створками. Щель тут же гостеприимно

приоткрылась – на пол-ладони, чтобы Рите стало не только слышно, но и видно.

А там было, на что посмотреть. Прямо делегация явилась. Это что, те самые, которые за налогами? Или мальчика вчерашнего ищут, кстати, как он там?

Первым стоял невысокий плешивый мужчина с выразительными тёмными глазами, одетый в клетчатый глухой пиджак. О, сюртук, вот как это называется – вспомнила Рита. А на шляпе у него была зелёная лента

в тон клетке с красивой пряжкой.

За ним, уперев руки в бока, озирался по сторонам толстый седой замарашка – его рубаха была давно не стирана, жилетка засалена, а на штанах в районе коленок виднелись заплаты. Да и ботинки не мешало бы почистить. И одна из пуговиц на жилете оторвалась, прямо на самой выступающей части брюха. Зато на голове шляпа – правда, тоже серая

и поношенная, и потерявшая форму.

На заднем плане расположились явно какие-то здешние шишки. Один был молод и носат, и костюм его сшили из хорошей ткани и по фигуре, и совсем недавно – прямо видно. Его чёрные волосы так и топорщились из-под жёлтой шляпы, в жёлтом шейном платке посверкивала застёжка – тьфу ты, в виде черепа. И пряжка на ленте такая же. Наверное, это потому, что молодой? Выделяется? А в руках у него – палка, нет, не палка, а как? Трость. Но не которая для хромых и бабушек, а которая для красоты. Чтоб в руках что-то было,

не иначе.

А четвёртый у них здесь, кажется, самый главный. В годах, но – ему это не мешает вот нисколько. Одет так, что даже не местной Рите понятно – запредельно дорого. И на голове-то у него цилиндр, обтянутый чёрным шёлком, и лента-то переливчатая, и в пряжке, по ходу, или кристалл от Сваровски, или вот прямо бриллиант. И поверх сюртука – шёлковый плащ, чёрный, с бордовой подкладкой. Перчатки белые, из тонкой кожи, трость резная. Из-под шляпы волосы кудрявятся – чёрные, точнее, уже местами седые, соль с перцем. И взгляд чёрных глаз – пронизательный и суровый.

И чего они все сюда припёрлись и шум подняли с утра пораньше?
Говорил

клетчатый, что стоял самым первым.

- Уважаемый господин Валентин, вам придётся нас выслушать. От имени городского совета мы двое, я и господин Марсо, – он кивнул на неряху – имеем право быть допущенными в любое строение на территории, входящей в городской округ Верлена. Этот дом, как все мы знаем, находится в ужасающем состоянии, и требует немедленного ремонта. А должен быть полезен – городу и его жителям. И ещё все

слышали, как вчера на закате здесь выстрелила пушка, которой не было

слышно уже много десятилетий – почему? Что произошло?

- А произошло то, уважаемый господин Руа, что у дома господина Гийома появилась хозяйка, – сообщил кот с нескрываемым торжеством.

- Какая ещё хозяйка? – нахмурился тот, кого называли господином

Руа.

- Госпожа Маргарита, – изрёк кот с видом победителя.

Неряха, услышав это, погрузился. Двое хорошо одетых переглянулись, не понимая – и молодой, и старый. А клетчатый господин

Руа пошёл в наступление.

- Господин Валентин, прекратите пичкать нас рассказами, мы не малые дети. Кто такова эта госпожа Маргарита и где она? Или это плод вашего воображения? Или, может быть, того хуже – ваше большое желание, которое вы выдаёте за правду?

Ну вот ещё, плод воображения! Рита нахмурила брови, набрала воздуха

в лёгкие, со всей силы

толкнула дверь...

И вывалилась наружу, потому что двери услужливо открылись для неё от малейшего прикосновения.

Она завалилась на кота – всеми своими килограммами, и лишними, и нужными, кот – на клетчатого господина Руа и неряху, а двое оставшихся успели отскочить. Младший прямо испугался и вытаращился, будто ни разу в жизни на него никто не заваливался, а старший догадался подать Рите руку и помочь подняться – правда, смотрел при этом тоже с изрядным изумлением.

- Это вы – госпожа Маргарита? – он вот прямо пожирал её глазами, от макушки до пяток и обратно.

- Она самая, - хмуро кивнула Рита.

Рита изо всех сил пыталась встать поустойчивее, но ей никак не удавалось, а потом она поняла – каблук, зараза такая, сломался.

Оторвался напроочь, вон валяется, даже на сопельках не удержался. Ничего нет глупее, чем знакомиться с важными шишками без одного каблука! Она сбросила обе туфли, и целую, и увечную, и взглянула на мужика.

- А вы тут кто? Мэр или нотариус?

- Ни то, ни другое, - с улыбкой поклонился мужик. – Граф Джилио, к вашим услугам.

Его имя ей что-то напомнило, что-то неуловимое. Ну да ладно, показалось. Так-то она тут никого не знает.

- И что вам тут понадобилось, уважаемый граф Джилио? Кстати, что,

прямо настоящий граф, да? А графы существуют?

- Уверяю вас, самый настоящий, и да, я существую, - он вновь поклонился.

И кажется, она его чем-то насмешила, наверное, босыми ногами.

Ну что теперь, сам видел, как навернулась!

Тем временем клеточка, неряха и Валентин тоже поднялись и отряхнулись, и кот подошёл и встал рядом с Ритой.

- Господа, я свидетельствую, что перед вами – госпожа Маргарита, законная владелица дома господина Гийома. Извольте взглянуть, - он жестом фокусника извлёк из воздуха и развернул плотный лист.

Рита пригляделась – ага, тот самый, который она вчера подписала.

Вот бы ей научиться его так же из воздуха вытаскивать!

Клеточка, неряха, граф и юноша с черепом разом склонили головы

и уставились на документ.

- Похоже, - вынес вердикт неряха. - Батюшка рассказывал мне, что на такой бумаге всегда стоит подпись господина Гийома, и подписать её может только законный владелец, принявший наследство в согласии с его волей. А без его воли не получится, сами понимаете.

Во всеобщем молчании голос графа Джилио прозвучал как-то зловеще:

- Так, господин Руа, и о чём вы забыли мне рассказать? Рите тоже было очень интересно, что вообще происходит.

- Валентин, будь любезен, просвети – это вообще кто? И чего они припёрлись с утра пораньше с грохотом и шумом? Не могли предупредить,

что придут? И что им здесь нужно?

- Ох, госпожа Маргарита, это люди, которые имеют право задавать нам вопросы, - вздохнул Валентин с виноватым видом.

- Начальство, что ль? – нехорошо сощурилась она.

Начальство – не начальство, но совесть иметь нужно. На что они вообще

рассчитывали, когда вот так заявили?

- Господин Жермон Руа – мэр Верлена, - а клетчатый снял шляпу и поклонился, глядя, впрочем, с опаской. - Господин Алоиз Марсо владеет единственной в городе гостиницей, там можно

останавливаться, когда мы приедем в город, - неряха тоже взялся за шляпу и поклонился, а Рита подумала – если у него и гостиница такая же, как он сам, то лучше ночевать где-нибудь в другом месте. - А другим господам я, увы, и сам не представлен, но судя по их виду – они приезжие.

И Валентин с вопросительным выражением лица уставился на господина, как оказалось, мэра. Прямо носом повёл, принюхиваясь. Мэр понял, что совершить процедуру знакомства придётся ему.

- Итак, господа... и дамы, - он оглядел босую Риту и нахмурился ещё больше – если это вообще возможно, конечно. - Господин Валентин

– э-э-э... местный житель.

Живёт в этом доме.

- Верно, - улыбнулся кот, и даже подмуркнул, как показалось Рите.

- Господин граф Джилио приехал в Верлен три дня назад, у него здесь... коммерческий интерес.

Богатый граф с коммерческим интересом тоже снял шляпу и поклонился.

- Очень приятно познакомиться со столь... необычной дамой, - сверкнул он чёрными глазами.

- А господин Морель - корреспондент столичной газеты. Он изволит собирать наши местные слухи и легенды. И вы понимаете, господин Валентин, он не мог пройти мимо этого дома.

Франтоватый парень поклонился, а Рита подумала - ну и зря не смог

пройти, лучше бы прошёл. Всем лучше.

- И мы бы хотели побеседовать с вами и с... госпожой Маргаритой, - хмуро продолжил мэр. - Если это возможно - не на пороге.

- Если вы рассчитывали на чашку кофе с утра - то извините, не приготовили, - отрезала Рита. - Потому что сами знаете - незваный гость, он хуже татарина. А незваный гость с утра пораньше - он я даже и не знаю, хуже кого. Я думаю, на порог их пустить можно, - глянула она на Валентина, - но не дальше. Сейчас, минутку подождите.

Рита подхватила туфли и скользнула в двери. Бросила предателей в угол, огляделась. Пыль и срач. Сейчас ей скажут, что хреновая она хозяйка. А не скажут, так подумают. А она нормальная, просто не успела ещё.

- Домик-домик, повернись ко мне передом, а к ним задом, хорошо? В смысле, пусть тут станет почище? Можно ненадолго, на

пока мы тут поговорим, ладненько? Пожалуйста. А я потом тебя почищу, помою, и что ещё надо - тоже сделаю. Как-нибудь. Потихоньку. Понемногу. Маленькими шажками. Очень прошу.

И Рита не придумала ничего умнее, как - поклониться в пояс.

Разогнулась... и разинула рот.

Каменный пол засверкал. И плиты-то тут не просто так, а складываются в какой-то замысловатый геометрический рисунок. Окна тоже сияли чистотой, и рамы радовали глаз свежей краской, и ручки на них отражали свет люстры. А люстра под потолком оказалась... в общем, дорогой и навороченной она оказалась, с кучей хрустальных подвесок, которые мыть по одной - замучаешься, а тут

раз! – и готово.

И лестница, ведущая наверх, тоже заблестела – ступени отчистились

и покрылись свежим лаком.

В общем, красота.

Так, теперь уже можно и позвать кого-то внутрь. Но – не дальше прихожей. А то, что в той прихожей стол на полста человек можно накрыть, и ещё место останется танцевать вокруг – ну кого это волнует?

Рита выглянула на улицу – там мужчины переговаривались хмуро и

негромко – и сказала:

- Так и быть, заходите.

Валентин как увидел перемены – у него так глаза и засверкали.

- Люблю вас, дорогая госпожа Маргарита, - произнёс он единым духом.

Остальные заходили и оглядывались – с любопытством.

- Ох ты ж, как тут на самом-то деле, я ж знал, что мне голову морочили – ну, тогда, давно, вы ж, господин Валентин, и морочили, - усмехнулся

неряха господин Алоиз.

Кот ухмыльнулся. Похоже, этих двоих что-то связывает, и нужно будет

узнать – что именно.

Господин мэр вошёл и встал у дверей, всё ещё хмурясь, а двое приезжих красавчиков жадно оглядывали предоставленный им холл. Младший только что не приняхивался, а старший одобрительно поглядывал

на краску стен, на белейший

потолок и подвески люстры.

- Итак, госпожа Маргарита, поведайте нам: откуда вы взялись так своевременно?

- спросил мэр.

- Откуда надо, оттуда и взялась, - недружелюбно ответила Рита. - Скажите, в чём вообще вопрос? Дом тут у вас сотню лет, если не больше, стоял и рассыпался, и вам было на его состояние сохранности наплевать с высокой ветки, а как только появился человек, готовый привести его в порядок – как возникли какие-то претензии? Это что вообще?

- Понимаете, на землях округа не должно быть ничего ненужного

и лишнего, но должна быть польза и вообще благолепие, - пояснил мэр. - Господин граф готов взять под опеку этот дом и сделать его полезным

для общества, так ведь, господин граф?

Господин граф как будто немного удивился, но - кивнул.

- Да, верно, польза - превыше всего, - усмехнулся он.

- А откуда взялся господин граф и с чего решил причинять тут пользу? - уперла руки в бока Рита. - И как-то подозрительно - то, значит, бедный домик никому не нужен, а то целая очередь желающих эту самую пользу творить! Очень подозрительно, хочу вам сказать! И вообще, у меня документ.

- Магический, - вкрадчивым голосом подсказал кот. - Это значит, напомним тем, кто подзабыл, что и дом тоже признал госпожу Маргариту. И дому в настоящий момент не нужен никакой другой владелец.

- Дом... продолжает рассыпаться, - выпалил мэр.

- Ничего подобного, ремонтные и реставрационные работы уже начались, - покачала головой Рита. - И вообще, стоял бы дом посреди городской площади - был бы разговор. Но он в лесу, и кого волнует, что тут вообще, это частные владения!

- Но вы не справитесь, уважаемая госпожа, - улыбнулся граф Джилио.

- С чем это я не справлюсь? - поинтересовалась Рита. - С ремонтом и уборкой? Да ну? Сами-то много убирались в жизни? А с предметами старыми тоже обращаться умеете? Знаете, как обеспылить, как убрать загрязнения и коррозию, как законсервировать от разрушения, как возместить утраты?

- А вы - что, всё это знаете? - изумился граф.

- А то, - сообщила Рита. - И раз меня выбрали и доставили сюда, значит - никаких разговоров. Моё. А надо пользу приносить - так вы скажите, какую. Принесём. Всем хватит, и ещё останется.

- Господин граф обещал помимо восстановления дома господина Гийома сделать вклад в просвещение городских жителей и вообще на нужды города, - вкрадчиво сказал мэр. - А вы что можете?

- А я могу... музей. Да, музей. Вы хоть знаете, что это такое? У вас есть хоть один?

Важные люди недоумённо переглянулись, один только граф смотрел

с усмешкой.

- Госпожа Маргарита, не скрою, я тоже весьма заинтересован в этом доме. Давайте заключим с вами пари, - предложил он. - Я, так и быть, готов дать вам право первого хода, шанс и что ещё бывает, раз уж вы успели сюда первой. Сколько вам нужно времени на то, чтобы восстановить дом? Учтите, у меня есть на это средства, а у вас? Так вот, давайте так - вы позволите мне вложиться в некую оговорённую часть дома, а вы возьмётесь за ещё какую-нибудь. Мы назовём срок, например - месяц, и посмотрим, у кого лучше выйдет. Если у вас - то я сниму все свои претензии и шляпу заодно, и просто помогу вам с остальным. Но если вы не будете справляться, то - вам придётся добровольно уступить дом мне.

- Валентин, это вообще что? - поинтересовалась Рита у кота. - Что это он мне тут условия ставит? Читать не умеет?

Кот вздохнул.

- Понимаете, госпожа Маргарита... такое условие тоже есть. Если хозяин этого дома окажется ненадлежащим, то его можно сменить, и это не будет нарушением воли господина Гийома. Однажды... двести пятьдесят лет назад уже случилось подобное, и вопрос был решён при помощи пари.

Рита успела заметить, как граф улыбается неряхе Алоизу. Тот-то каким

боком во всём этом?

- И кто же будет судьями? - нахмурилась Рита.

Вообще ей стало до чёртиков обидно - она только-только примирилась с мыслью о том, что проведёт какое-то время здесь, вот на этой работе, и тут - на тебе! Кто-то желает отжать и работу, и жильё, и кота тоже!

- Господин Гийом, то есть - его дом, выразит свою волю, когда придёт время. Или в процессе. Госпожа Маргарита уже принята за хозяйку, а господину графу ещё придётся доказать свои намерения, - сообщил кот. - Но вообще нас здесь достаточно. Итак, претенденты -

госпожа Маргарита и господин граф Джилио, со стороны господина графа свидетели - господин Руа и господин Марсо, а со стороны госпожи

Маргариты - я...

- А я претендую на то, чтобы первым осветить всю историю в прессе! - воскликнул молодой человек из газеты.

Мэр глянул на него сурово и вздохнул. Рита тоже не видела ничего хорошего в том, чтобы светиться в новостях, но ничего ж не поделаешь!

- Вашу руку, госпожа Маргарита, - граф протянул ей свою, сняв перчатку.

Ничего не осталось, кроме как пожать.

Впрочем, рука в него была ухоженная и сильная. Он пожал ей руку аккуратно, а потом наклонился и поднёс к губам. Вот так, Ритка, наслаждайся.

- Засвидетельствовано, - сказал старый неряха Алоиз.

- Засвидетельствовано, - с неохотой кивнул кот. Сверху донёлся звук, похожий на удар часов.

- Госпожа Маргарита, вы должны, тем не менее, явиться к нотариусу и в мэрию, и зарегистрировать договор, потому что вы сейчас являетесь владельцем спорной собственности. И уплатить налог, и возможно, там есть что-то ещё, - сообщил мэр.

- Если госпожа Маргарита не может уплатить налог, то я готов поспособствовать... на определённых условиях, конечно же, - улыбнулся гадкий граф.

- Чего не смогу-то, смогу, - угрюмо сказала Рита.

Она совершенно не понимала, как платить, чем и вообще.

- Только когда соберётесь в город, извольте одеться, - ядовито сказал мэр.

- Что? - не поняла Рита. - Я вроде одета.

- Ничего подобного, - отрезал мэр. - Даме неприлично показываться на глаза мужчинам в таком виде.

- Госпожа Маргарита издавна, там другие обычаи, - покачал головой кот.

- Раз она решила сделаться здешней землевладелицей, то пусть принимает наши обычаи, - отрезал мэр. - Я пришлю вам свою дочь, она станет помогать вам здесь, и с одеждой поможет тоже.

- Спасибо, - кивнула Рита.

Ну, поглядим. Выпроводить этих вот - и поглядим.

Глава 6. Объяснения

- Котик-котик, мохнатый животик, шерстяное ушко, белое брюшко, полосатые усы нефигической красы! Давай-ка колись, о чём

ты ещё умолчал? – спросила, сощурившись, Рита, глядя Валентину прямо в жёлтые бесстыжие глаза. – А то – сначала вот тебе дом, будет твой, все дела, только бумагу подпиши, а теперь что?

Валентин запер за незваными гостями тяжёлый засов на входной двери, а потом обратился в кота, подбежал к Рите и принялся мурлыкать, тереться об ноги и умильно заглядывать в глаза. Рита взяла его

за шкуру – пришлось изловчиться – а он обмяк и повис.

- Ты, скотина пушистая, даже и не думай подлизываться, а честно рассказывай – о чём ещё в той бумажке ни слова не было, а все знают и, того и гляди, заявятся и потребуют?

Шикнула на него и поставила обратно на пол.

- Дорогая госпожа Маргарита, кто ж мог подумать-то, что этот граф откуда-то возьмётся?

Валентин вновь стал человеком, и вид у него был самый разнесчастный.

- Ну не он, так ещё кто-нибудь! Раз этот дом всем так нужен! И вообще, я хочу кофе. И поесть. И всё обсудить. Потому что я не подписывалась спорить с местными авторитетами, ясно? Мне ещё моя жизнь дорога! Знаю я, чем всё это заканчивается – когда сначала вот так, а потом – предложение, от которого нельзя отказаться, и всё, пропала моя голова. Твоя-то может и ничего, ты у нас то кот, то дух, то вообще хрен знает кто, а я-то живая! И хочу таковой остаться!

- Никто не посмеет угрожать вам, дорогая госпожа Маргарита. Но... в самом деле, наследство можно оспорить. Но вы обязательно выиграете!

Потому что вы уже договорились с домом, он вас принял!

- Так и он договорится, делов-то? – Рита чуть не плакала. – Что ему мешает? И что тебе мешало подождать пару дней, и не дёргать меня вообще? Жила бы себе дальше, а сюда бы к тебе этот хрен с горы припёрся!

- Ваше право первенства ему помешает, дорогая госпожа Маргарита. И вообще, идёте. Вы правы, нужно позавтракать. Арро,

травяные отвары, свежая ветчина, оладьи со сладким сиропом – годится?

- Угу, – всхлипнула Рита.

Вцепилась в его руку и пошла вверх.

А наверху их поджидали посторонние и подозрительные звуки.

Будто кто-то уже ковырялся в том самом старом хламе, о котором они сейчас

спорили.

- Что там? – Рита сжала руку Валентина так, что тот аж остановился.

- Мальчик, – сказал он со вздохом – вот, мол, непонятливая, всё забыла!

Точно, ещё же мальчик. А-а-а, всё сразу! За что только!

Рита отпустила кота и пошла посмотреть, что там с мальчиком. В конце концов, это её дом. И она просто так не отдаст его никому – ни мальчикам, ни мужикам, ни мэрам, ни графам, ни модникам, ни засранцам.

Мальчик был в комнате, сидел на кровати, натягивал сапог. Увидел Риту и Валентина за её спиной, схватил второй сапог и прицелился. Только

получить, тяжёлым и грязным! не хватало ещё сапогом по роже

- Мы не враги, мальчик. Если сможешь внятно объяснить – кто ты есть

и откуда здесь взялся, – сказала Рита.

- А... вы кто? – спросил мальчик.

Он по-прежнему выглядел тощим и измученным, но серые глаза сверкали, и тёмные волосы задорно топорщились.

- Я – Рита, хозяйка этого дома. Это Валентин, он тут живет. Как тебя зовут?

- У дома не было никакой хозяйки, и никто тут не жил, – недоверчиво сообщил мальчик.

- Ещё один, – вздохнула Рита, подняв взгляд к потолку. – Твою ж мать, на мою голову. Домик-домик, дай ему по башке. Но не сильно, чтобы жив остался.

Никто не понял, каким образом с потолка прямо на голову мальчика

вылилось примерно ведро воды, и меньше всего – он сам.

- Не веришь? – спросила Рита. – Не верь и дальше, сиди в луже. А мы

завтракать пошли. Домик, спасибо.

Она развернулась, подхватила Валентина под руку и пошла в гостиную, где вчера кормили. Ожидания оправдались – на столе стоял

завтрак, и накрыто было – внимание – на троих.

- Ага, значит, нашего гостя тоже посчитали. Ладно, Валик, сходи, пожалуйста, глянь – как он там. А то ещё будет сидеть, носом швыркать, простынет и помрёт, мне оно зачем? Я обещаю всё тут одна не съедать.

А про себя подумала, что будь у неё такой домик раньше, то Ваньку и Сеньку она бы только так и воспитывала. Вроде и пальцем не тронула, и очень ясно продемонстрировала свои намерения. А то ведь слова помогали далеко не всегда.

Рита осмотрела стол – всё, как и говорил Валентин. Кофе и чай, он называл их какими-то странными словами, надо выпросить и выучить. Оладьи – свежайшие, к ним масло, сметана и сладкий сироп. Варёные яйца, ветчина, хлеб – ещё тёплый. Ну где они там, пусть пошевеливаются. Есть хочется – сил нет.

Валентин появился совсем скоро, мальчик шёл за ним. Он был чист

и свеж – надо же, постарались.

- Госпожа Маргарита, это – господин Филипп, он пришёл из-за гор,

- сообщил кот.

- Значит, пусть садится, ест и рассказывает, как он сюда попал и что ему надо, - пожала плечами Рита.

Проходной двор, а не заколдованный дом в лесной глуши в получасе езды от ближайшего города!

- Простите меня за недоверчивость, госпожа Маргарита, - наклонил голову мальчик. - Я думал... что вы можете быть связанными с моими врагами.

- Откуда враги-то, в твоём возрасте?

- А что с моим возрастом? – не понял мальчик.

- Сколько тебе лет-то?

- Двадцать один, - сообщил он с таким видом, будто уже тридцать, и трое детей, и две машины, и дача, и отпуск на море, и что там ещё.

- Вся жизнь впереди, - выдохнула Рита.

- Возможно, - не стал спорить мальчик Филипп. - Но для этого мне нужно сохранить ту самую жизнь. Я был бы вам весьма благодарен, если бы предоставили мне убежище. Настоящий хозяин этого дома может сделать так, что здесь никогда не найдут – кого-то

или что-то. Сделайте так, чтобы меня не нашли, пожалуйста, госпожа

Маргарита, - и он вежливо наклонил голову. - Взамен за это я буду служить вам здесь и выполнять всё, что скажете.

- Я не зверь какой, и готова оказать тебе услугу - в обмен на услугу. Да, мне нужны люди. Ты вообще что умеешь делать? - строго спросила Рита.

- Я... я вообще маг, - сообщил мальчик.

- Наверное, это ох как много значит, но не для меня, - покачала Рита головой. - Тебе придётся рассказать. Я должна знать, во что ввязываюсь, ясно вам, вы, оба? Один уже втравил меня неизвестно во что,

а теперь и второй

подтянулся.

Филипп недоумённо взглянул на Валентина, тот потупился.

- Госпожа Маргарита, я расскажу обо всём, что вы захотите знать.

- И ещё о том, о чём я не спрошу, потому что понятия не имею, что нужно спрашивать, да? - усмехнулась Рита. - А ну живо за стол, оба,

и живо есть, а потом поговорим.

Оба повиновались, сели и принялись есть. Видимо, мальчик изрядно проголодался - потому что ел жадно и почти не глядя на то, что именно ест, но - очень аккуратно, и вилку с ножом держал красиво. Воспитанный, не иначе. И не поднимал глаз от тарелки. А Валентин

поглядывал на него с интересом.

Когда все тарелки опустели, и можно было налить кофе и немного расслабиться, Рита спросила:

- Итак, Валечка. Что мне ещё следует знать о доме, о тебе, о местной жизни и об этом вот мальчике?

- Всё самое главное вы уже знаете, - твёрдо сказал Валентин. - Этот дом нуждался в хозяине, и я отыскал вас. Вы подходите - и по имени, и по сути. Я понятия не имел, что откуда-то вылезет этот граф, и я знать не знаю, что ему здесь понадобилось, вот. Видимо, он побеседовал в городе с разными людьми, и ему указали на Алоиза Марсо. Тому и впрямь случилось однажды побывать в доме - в далёком детстве. Все местные дети пытаются сюда забраться, но никому не удаётся, потому что - просто так сюда не попасть, двери откроются только хозяину. Но Алоиз немного маг, самую малость. Он не умеет ничего создать, но может видеть скрытое. Поэтому он увидел растворенное окно, и забрался в него - вроде Филиппа. Побродил внутри, испугался голосов, шорохов, шумов и скрипов, да и вылез обратно. И всем рассказывал, что тут нечисто. И читал городские

хроники – всё, что относится к этому дому, наверное, больше него сейчас в городе никто не знает о господине Гийоме, его жизни и всяких событиях, связанных с этим домом. Видимо, граф Джилио чем-то соблазнил его, раз он рассказал о возможности оспорить право на владение. Такой случай действительно был, и в итоге оказался дому на пользу. А сейчас – нет, таково моё мнение. Но увы, граф бросил вам вызов, и вы не могли его не принять.

- И что делать? – хмуро спросила Рита.

- То же, что вы и собирались. Ехать в город, подтверждать свои права, и если граф будет настаивать, то – выделить ему часть дома в благоустройство. А выйдет у него или нет – я сказать не возьмусь. Точнее, я ему помогать не стану, обещаю, а как он сам будет справляться – даже и вообразить не могу. Вот, я сказал всё, что знал.

Рита по-прежнему смотрела хмуро и очень удивилась, когда услышала голос мальчика Филиппа:

- Он говорит правду, госпожа.

- А ты откуда знаешь? – она повернулась и глянула испытующе. Ничего

не углядела – мальчик как мальчик.

- Я маг. И я знаю, правду говорят или нет.

- Очуметь, – восхитилась Рита. – А я вот – не знаю, и ты сможешь навешать

любую лапшу мне на уши. От кого ты прячешься?

- От полиции, – сообщил мальчик, глядя Рите в глаза. – Я был участником тайного общества, которое борется за свободу. И... мне пришлось бежать, иначе бы меня казнили.

Вот так заявочки! Полиция? Казнили? Господи, куда она попала-то?

- Филипп забыл добавить, что полиция – имперская, не наша, –

пояснил Валентин. – Но если узнает наша, то тоже забеспокоится. Революционеров

у нас не любят.

Тьфу, ерунда какая. Ещё и революционеры. Только не хватало! Ну да, ну да, за что их любить? Беспокойство одно.

- Ну что, маг Филипп, чем докажешь, что пользы от тебя больше, чем

вреда? – спросила Рита.

- Он говорит правду, госпожа Маргарита, - сообщил кот.

- Да вы как сговорились, - усмехнулась она.

- Я могу поклясться, - сказал Филипп.

- Давай, - махнула Рита рукой.

- Обещаю и клянусь не делать ничего во вред госпоже Маргарите, служить ей, пока она меня не отпустит, и приносить ей пользу по мере моих магических и человеческих сил, - сказал он и поклонился.

- Хорошо, принимаю, - кивнула Рита. – Буду тебя кормить, поить и укрывать.

И снова где-то в недрах дома раздался звук вроде удара тяжелых старинных

часов.

И почти сразу же – опять шум снизу. Валентин и Филипп пошли разузнать, и мальчик вскоре вернулся.

- Господин Валентин говорит, что там прибыла барышня Руа.

Глава 7. Навстречу приключениям

Эрмина читала бабушке газету.

Пачку газет прислали из самой столицы, и был это «Репортёр», в котором служил захаживавший в дом Руа господин Морель. Бабушка сказала, необходимо выяснить – что такое пишет этот молодой человек, и за что его из Паризии сослали в Верлен – это ж просто так не происходит, всякому понятно.

И теперь Эрмина читала бабушке статьи, которые были подписаны Жоржем Морелем, а заодно – и ещё всякое другое, что можно было встретить в той газете. Сама же госпожа Руа разменяла восьмой десяток, глаза уже были не те, что в юности, и она то и дело просила кого-нибудь из внучек посидеть с ней и почитать, или рассказать

последние новости.

Сегодня новости были о том, что за лесом, где нет никакого жилья, кроме волшебного дома господина Гийома, вчера на закате палила пушка. А с чего бы ей палить – того никто не знал, и наутро, чуть свет, в дом отправились сам господин Руа, господин Марсо – хозяин гостиницы и трактира при ней, и двое приезжих. Господин Морель, журналист, остановился в той самой гостинице, а господин граф Джилио приобрёл небольшой домик через забор от дома семьи Руа. Тот домик продавала вдова господина Марморио, которая хотела

уехать к южному побережью, где у неё проживала замужняя дочь с внуками, и предложение графа Джилио оказалось ей очень кстати. Слуги госпожи Марморио не поехали с ней и остались в доме, и кое-кто из прислуги в доме Руа имел там друзей, например – горничная Эрмины и Эжени Бабетта, которая дружила с Люсиль, горничной соседки. И рассказала, что граф велел отмыть и отчистить дом до блеска, в быту был непритязателен, ел очень умеренно и никаких разносолов не требовал, но не терпел, если его приказаний не выполняли. Сказано, подать завтрак в шесть – значит, нужно подать его

в шесть и ни минутой

позже. Сказано, приготовить вот этот костюм

– значит, нужно пойти и сделать. И письмо доставить на почту вот прямо сразу, а не как дела в той стороне появятся. И не смей подслушивать и подглядывать, и вынюхивать тоже. И вообще. Люсиль

не привыкла к таким строгостям, и оттого страдала. Бабетта же привыкла, что обе госпожи Руа – и старая, и молодая – держат дом и всех его обитателей в строгости, поэтому только плечами пожимала да фыркала, когда рассказывала обо всём этом Эрмине.

А Эрмина, хоть и прилежно читала историю о привидении в столичном особняке, как до того – историю о таинственных смертях в пригороде Паризии, но мыслями была далеко. Ей было очень любопытно, что происходит в доме господина Гийома – почему вдруг там выстрелила пушка, за всю её жизнь такого не случилось ни разу. Стоит ли ещё дом, или с ним что-то случилось? И вообще, та же Бабетта несколько лет назад бегала к тому дому, как все уважающие себя дети Верлена, но дверей не нашла, а в окошко полезть не решилась. У Эрмины не было возможности пойти просто так гулять в лес, потому что ни её, ни Эжени не выпускали из дома без взрослых, а никто из взрослых никогда бы не согласился пойти и в лес, и тем более

– в дом господина Гийома.

И кто ж знает, до чего бы она додумалась, но хлопнула входная дверь, и громкий голос батюшки, господина Руа, раздался от входа. Он призывал

к себе супругу и вторую дочь

– Эжени.

– Детка, сходи, узнай, что там, – велела бабушка. – Или лучше даже

скажи Жермону, пусть придёт сюда и сам всё

расскажет.

У бабушки пять лет назад отнялись ноги – однажды утром она не смогла встать с постели. С тех пор она если и передвигалась по дому, то – в специальном кресле с большими колёсами, и жить переселилась на первый этаж со второго – чтобы не знаться с лестницами. Но – она была в курсе всего, что происходило в доме, и по возможности – в городе.

Эрмина любила бабушку – та всегда была к ней добра, даже больше, чем к сестрице Эжени. У бабушки всегда находились для Эрмины добрые слова, и хорошие советы, и интересные разговоры. Поэтому она отложила газету, поднялась и пошла разузнать – что случилось и чем взволнован отец.

- Эрмина, где Эжени? – спросил отец, стоявший посреди гостиной.

- Вместе с матушкой отправилась к госпоже Сэ, – матушка всегда берёт с собой Эжени, когда отправляется в гости, все уже привыкли.

- Немедленно отправь за ними кого-нибудь! Они мне нужны, обе, и как можно скорее!

Бабетта побежала на соседнюю улицу за матушкой и Эжени, а Эрмина привела отца к бабушке.

- Чем это вы с утра заняты, мой драгоценный сын?

Эрмина всё время не могла отделаться от ощущения, что бабушка над отцом посмеивается. Вообще такое и вообразить-то было в их городе нельзя – как это, смеяться над мэром господином Руа! – но бабушке можно всё.

- Расскажу, – кивнул отец, усаживаясь. – Эрмина, скажи, чтоб подали арро.

Эрмина предпочла бы послушать, но не посмела ослушаться отца, поэтому отправилась на кухню и передала его повеление. И вернулась.

- Так вот, представляете, матушка? Эта особа, которая называется владелицей дома, изволила предстать перед нами в разноцветной сорочке до колен и с голыми ногами, и всё! Если б она была юной девицей, я бы подумал, что она ищет мужского расположения. Но это дама

в годах! Если она явится в таком виде в город, это будет скандал!

- Я смотрю, там уже имел место скандал, – усмехнулась бабушка.

- Говорила я вам, сын мой – не трогайте вы этот дом, пусть все, кто хочет его заполучить, справляются сами. Вы же для чего-то решили вмешаться.

Вот теперь и получайте на орехи всё, что заслужили.

Эрмина забыла, как дышать – никто, никто во всём городе не

осмеливался так разговаривать с отцом! Только бабушка. И отец не возражал, а только склонил голову и вздохнул.

- Наверное, вы правы, матушка, - кротко сказал он. - Но сделанного уже не поправить.

Горничная бабушки Сюзетт принесла большой поднос с арро, сахаром, сливками и сладкими булочками. Следом за ней появилась матушка, а из-за матушкиной спины недовольно морщила нос Эжени. Ну конечно, она рассчитывала послушать последние новости, которые матушка с госпожой Сэ могут обсуждать до заката, или отпроситься и пойти гулять с Аннет, дочкой госпожи Сэ. А тут пришлось возвращаться домой – неизвестно для чего.

- Что случилось, Жермон? Отчего вы переполошили полгорода? – матушка тоже недовольна, что пришлось вернуться.

- Значит, так было нужно, Софи, - отрезал отец. - Сядьте и послушайте. У дома господина Гийома объявилась хозяйка – странная особа, никто не знает, откуда Валентин её притащил. В городе её никто не видел, и даже Алоиз Марсо клянётся, что такая у него не останавливалась, а он хоть и подслеповат, такую особу никак бы не проворонил. Мне нужно знать, что она замышляет, и что будет делать, и ещё её нужно привести в приличный вид, а то заявится в город – и всех до обморока доведёт. Поэтому, Эжени, собирайся, ты сейчас поедешь туда и останешься с ней, пока я не скажу, что уже можно вернуться домой. Или пока странный вопрос с этим домом как-нибудь не разрешится.

- Почему я? – вскричала Эжени. – За что? В этот ужасный дом, он где-то в глуши, там никого нет, и там страшно!

Голос у неё громкий, в матушку.

- Почему Эжени? – вторила ей матушка.

А Эрмина только вздохнула про себя – эх, опять Эжени выпадает что-то

интересное. А она и не оценила, ей того не надо.

- А ну тихо, - сказал отец, и обе они замолчали. – Эжени потому, что от неё дома нет никакой пользы! Ни с матушкой посидеть, ни младших

занять! Пусть хоть так от неё толк будет!

- А какой должен быть толк? – взвилась матушка. – Ей всего шестнадцать, и ты отправляешь её куда-то, где её ждёт неизвестно что!

- Ей рано или поздно придётся выйти замуж и отправиться туда, где её будет ждать неизвестно что, - саркастически заметил отец. – Может

быть, пора начинать?

Дальше начал твориться какой-то кошмар, потому что Эжени рыдала, матушка ругала отца, сверху прибежала маленькая Мадлен и тоже разревелась, услышав и увидев всё происходящее.

- Да замолчите вы все! – батюшка в гневе стукнул кулаком по столу.

Стало тихо, разве что тихие всхлипы доносились от окошка, возле которого рыдала Эжени, и от двери, где плюхнулась на пол Мадлен. И тогда Эрмина решилась.

- Батюшка, может быть, я отправлюсь вместо Эжени? А она попробует дома – и справится. Она знает и умеет всё то же самое, что и

я, у неё получится.

- И что, Эжени будет выполнять всё то, что делаешь дома ты?

- Я думаю, она постарается, – сказала Эрмина. – Эжени, ты ведь постарайся?

- Да, да, – истово кивала сестра. – Я постараюсь.

- Тогда поднимай Мадлен с полу и отведи в детскую, и проверь, где там няня! А потом придёшь читать газеты бабушке, – сказал отец сурово, и Эжени тут же подскочила и выбежала из комнаты бабушки вместе с Мадлен. – Эрмина, собери вещи – на неделю, не больше, потом я за тобой пришлю. Твоё дело – смотреть за всем, что там происходит, и помочь хозяйке, госпоже Маргарите, привести себя в достойный дамы и владелицы имущества в нашем округе вид! Чтобы когда

она заявится в город, то выглядела пристойно!

Эрмине уже стало очень интересно, как это дама может непристойно выглядеть? Она ловила обрывки слухов о том, что на окраине города есть некий дом, в котором живут женщины, которые как раз выглядят непристойно, туда ходил матушкин брат, дядюшка Антуан, а отец потом ему за это выговаривал – что такие вещи следует производить тихо, чтобы не привлекать к себе внимания. Интересно, эта госпожа Маргарита – она так же выглядит и тоже принимает по вечерам

мужчин?

- Ступайте-ка отсюда, – произнесла бабушка. – Софи, иди умойся. Жермон, ступай займись чем-нибудь, что тебе подходит больше, нежели ссориться с семейством. Эрмина, как соберёшься – зайди ко мне.

- Да, бабушка, – сказала Эрмина и отправилась собираться.

Вместе с Бабеттой они сложили в сундук смены белья, два сменных платья и всё, что для них нужно. Эрмина взяла шляпу, плащ,

зонтик от солнца и перчатки, и велела отнести всё это в отцовский экипаж.

И пошла к бабушке.

- Сядь и послушай, дитя, - бабушка кивнула на скамеечку возле своих ног, на которой Эрмина всегда сидела, когда читала ей книгу или газету. - Дом господина Гийома - не край света и не обиталище дикарей. Если ты будешь вести себя достойно - он станет тебе помощником и союзником. Ступай, и не бойся. Плохую женщину дом бы в хозяйки не принял, это точно. И ты увидишь то, чего никто в нашем городе не видел уже полторы сотни лет. Твоего отца пустили на порог, и то он в изумлении, а ты попадешь внутрь. Радуйся, это невероятно

редкий случай, я бы и сама не отказалась там побывать.

- Да, бабушка, - кивнула Эрмина.

А у самой улыбка так и рвалась с губ - потому что она не боялась совершенно, но ей было очень-очень любопытно. Эжени не хочет - значит, пусть остаётся дома. А она поедет навстречу приключениям.

Поцеловала бабушку, попрощалась с младшими, обещала потом всё-всё им рассказать, поклонилась родителям, кликнула Бабетту и отправилась

в ожидающий у двери экипаж.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/muzei-magicheskikh-artefaktov-b344445>